

АНДРЕЙ МАРТЫНОВ

СПЯЩИЙ В ПАТАГОНИИ

18+

Андрей Мартынов
Спящий в Патагонии

«Автор»

2026

Мартынов А. В.

Спящий в Патагонии / А. В. Мартынов — «Автор», 2026

Старый друг Андрея Рогова, журналист Артём Головнин, летел на встречу с сенсацией, но самолёт так и не долетел. Следствие говорит о несчастном случае, а Рогов, журналист-криминолог и бывший спецназовец, не верит в такие совпадения. След приводит его в Аргентину и Чили: к таинственной немецкой колонии Дигнидад, охотникам за сокровищами «Аненербе» и легенде о человеке, который «спит» в пещере у патагонских вулканов и которого лучше не будить. За тайной охотятся не только искатели: по Карретера-Аустраль движется колонна вооружённых фанатиков, готовых на всё. Рогову придётся довериться случайным союзникам, пройти через колонию, где всё скрывают, и понять, чего стоит правда, ради которой погиб его друг.

© Мартынов А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«Спящий в Патагонии»	5
Глава 2. В виду отсутствия улик...	15
Глава 3. Есть такая работа — всё знать...	23
Глава 4. Зимнее танго	34
Глава 5. Маленькие профессорские тайны	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Мартынов

Спящий в Патагонии

«Спящий в Патагонии»

Глава 1. Непринятый рейс

— Ну, наконец-то! — воскликнул Рогов и утопил педаль своего «гелика» в пол до упора. Вырвавшись из дорожных заторов Новой Москвы, «Мерседес» дизайнерского ателье AMG выехал на пригородную трассу и привычно набрал разрешенные 130 км/ч.

Андрей любил скорость, но никогда не баловался, считая, что для того и существуют дорожные знаки, чтобы спидометр не наглед. Тем более, что после часовой тянучки в городе, кажется, что летишь по автостраде на крыльях.

До аэропорта было не более сорока километров, но если посчитать все выезды журналиста, фотографа и криминолога Андрея Рогова в командировки и обратно, то по этому небольшим кусочкам трасс из столицы в аэропорты, он уже давно объехал вокруг Земного шара... Ездить, действительно, приходилось много, подчас решая задачи, совершенно несвойственные журналисту. Вот и сегодня, он просто ехал навстречу со старым другом. Рогов даже не представлял, во что это всё выльется...

Но, всё по порядку!... Итак, пригородная трасса, обычное сизое осеннее утро в преддверии, и «вечно зевающие водители «фур», черт бы их побрал...»

«Пора на остановках попутчиков брать, а то и поговорить не с кем» — иронизировал про себя журналист, как вдруг, на пластиковом держателе, на приборной панели автомобиля, зазвонил его телефон.

«Артем Головнин.» — высветилось на сенсорном экране.

«Не понял!? — удивился Рогов, — Он что, уже прилетел?»

Андрей сбросил скорость и перестроился в крайний правый ряд.

— Да, Тёма!

— Андрюх, салют! Ещё не вылетели, представляешь? — послышался взволнованный голос в трубке.

— Да, не переживай, старик. Как говаривал мой старшина, самолёты — это не выгодно, летайте поездами.

— Да, как же — не переживай. Столько дел дома. Успеть бы.

— Так, может мне не ехать...?

— ...Нет, нет, что ты! Обязательно дождись меня! — испуганно перебил Андрея друг, — я, в основном, ради нашего разговора и лечу, просто параллельно куча дел нарисовалась.

Артем Головнин — известный журналист, старый друг и коллега Андрея Рогова из Питера, с которым они, еще на заре своей репортёрской деятельности, не раз пересекались в горячих точках и нередко помогали друг другу, обмениваясь информацией. Бывало, экономя на командировочных, даже брали в гостиницах один номер на двоих. Со временем пути по работе стали пересекаться всё реже и реже, но дружба не прекратилась. Андрей и Артем регулярно переписывались в соцсетях, а иногда и созванивались. Рогов очень любил этого парня — простого, без камня за пазухой и очень эмоционального, гневливого, но доброго.

А сейчас Головнин попросил о встрече, причем на нейтральной территории — в аэропорту. Значит, у него было, о чём рассказать.

— Чартер, сам понимаешь, — продолжал тараторить Артем в трубке, отчего у Андрея стоял звон в ухе, — расписания нет, все приблизительно-точно... Ну, хоть на посадку пригласили. Да еще и не самолет, а самолётик. Я на машине быстрее езжу...

— Ну-ну, — как бы предостерегая, воскликнул Андрей, — быстро поедешь, тихо понесут... Не торопись. Я подожду. Прессу почитаю.

— Кстати! Обязательно возьми наш последний выпуск «Особо секретно»! — орал Артём в трубке, — Там есть моя статья про немецкую колонию Дигнидад в Чили. И хотя, там не всё, что можно было рассказать, но очень интересно.

Андрей, как всегда, не мог не удержаться от иронии.

— Ты знаешь, Тёма, у нас тут задержан таксист-мошенник. Он говорил пассажирам: «А вот была интересная история...» и рассказывал не интересную!

— ... Дрюх! Все более, чем серьезно, — с легкой обидой в голосе ответил Артем, — за эти сведения не задержат, за них просто сразу убьют. Ты это должен знать... это связано с твоей поездкой в Непал...

— Ох, ё..., — от неожиданности Рогов чуть не въехал в задок какого-то плохо помытого рейсового автобуса без габаритов.

Речь друга резанула слух Рогова. Поездка двухлетней давности в Непал была чем-то средним между путешествием Джеки Чана за Доспехами Бога и всеми сразу приключениями Индианы Джонса. Отличие было лишь в том, что и тот, и другой в Непале погибли бы в первые дни экспедиции, а Андрей выжил. Поэтому вспоминать о Королевстве Ло хотелось меньше всего. Полгода назад Головнин уже звонил Рогову по поводу секретной экспедиции, но тот отказался обсуждать ее, как по телефону, так и по электронной почте и вот теперь этот разговор все-таки состоится с глазу на глаз. Но что же накопал сам Головнин в Южной Америке?

— Заинтриговал, Тёма. Жду, — нервно засмеялся Андрей и вырулил не среднюю полосу движения.

Торопиться не было смысла, поэтому Рогов «добрал» 110 км/ч и включил магнитофон — старенькую запись питерской рок-группы Tequilajazzz «Зимнее солнце». Когда-то, в конце 90-х, под эту мелодию, они с Артемом возвращались после жаркой переделки на Ближнем Востоке. Накатали воспоминания...

Тогда Андрей, в очередной командировке, готовя репортаж о военной операции одной из Западных стран, без суда и следствия, был заключен в местную тюрьму. Никаких связей с Консульством ему, понятное дело, не предоставили. Конечно, как у любого «тёртого калача», у Рогова был план побега, но... Реальность гораздо прозаичнее и безысходнее, чем кино. Он прекрасно понимал, что рисковать нужно тогда, когда есть шанс победить. В остальных случаях, риск — просто глупость. Приходилось стараться не подцепить заразу... терпеть вшей, голод и косые взгляды настоящих уголовников, и казалось, что уже не было надежды. Помог Артем Головнин, подключив свои связи в элитных кругах и дипломатических представительствах, и, через неделю, Андрей был на свободе. Да, это было, было...

...Кто оденет зимнее солнце...?

— закончилась песенка Tequilajazzz, но послевкусие тех давних лет: воздух неожиданно полученной свободы и бутылка джина выпитая в самолёте «из горла» на двоих, как клятва двух товарищей — остались с Андреем, да, наверное, и с Артёмом, по сей день.

...«Эх, Тёма! Такой же, как я. Еще не уgomонился — отвязанный искатель приключений.» — с внутренней теплотой думал Андрей, — «Ничего. Чем смогу — помогу. Еще порулим вместе, старик...»

В аэропорту было немногочисленно. Самолёты давно превратились из средства передвижения в роскошь. Но, на социальную полемику у Андрея времени не было. Часа через полтора должен прилететь Артем, и к беседе с ним надо было подготоАндрюхся.

В свежем номере газеты «Особо секретно» Рогов быстро нашел статью главного редактора Артем Головнина — «ODESSA» — мама для эсэса...»

В материале Артема говорилось отнюдь не о Южной Пальмире соседней Украины. Речь шла об организации с одноименным названием. Почему Одесса? Просто аббревиатура Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen¹ (Организацйон дер еемалиген СС — Ангехёриген) — организация ветеранов «СС».

В своей статье Головнин излагал версию о том, что немецкое поселение «Дигнидад», основанное в 1961 году бывшим фронтовым медиком вермахта Паулем Шеффером в Чили, было базой организации ветеранов СС — «ODESSA».

В 30-х годах прошлого века Германия была одной из самых могущественных держав мира. Позднее, как известно, Советская армия разнесла это могущество в пух и прах.

Судьбы ученых, работавших на Рейх, сложились по-разному. Например, оружейник-конструктор Хуго Шмайссер, работал в советском плену, а конструктор ракетно-космической техники Вернер фон Браун, сдался в плен американцам вместе со всеми сотрудниками своего конструкторского бюро и, впоследствии, успешно работал на ядерную программу США.

Но самые удачливые были вывезены организацией ветеранов «СС» — «ODESSA» в государства Латинской Америки на заранее подготовленные базы.

Мексика, Коста-Рика, Боливия, Бразилия, Аргентина. Одним из самых уютных и притягательных прибежищ стала Чили. Главным образом, по причине великолепных условий, заранее созданных для нацистской эмиграции...

Андрей ненадолго отвлекся от чтения: «Да, это уж точно. Чем отличался немецкий ветеран от нашего в то время? Немецкий пенсионер после выхода на пенсию отправляется по миру, а наш — по миру... Но при чем тут Непал?... Нацистский преступник Отто Ран, мир его праху. Да, в Непале пришлось с ним побороться, но в Мексике его покарало провидение. Но этот выживший из ума эсэсовец действовал сам от себя... А может не сам от себя?... Ладно, Артём, выясним, прилетай скорее...»

Рогов опять углубился в статью старого друга...

«Весь XX век система нацистов-ветеранов действовала, как прекрасно отлаженный механизм. Со своим центром, своими руководителями. Именно поэтому без проблем вошла и в XXI век... Она, на самом деле, существует и сегодня. Существует и действует. Редакция журнала «Особо секретно» обладает неопровержимыми доказательствами преступлений нацистов Третьего Рейха и в наши дни...»

Последняя фраза звучала, как прямое обвинение.

«Смело, Тёма!» — взволнованно подумал Андрей, — «Смело даже для такого гвардейца, как ты. Так вот почему ты волновался...»

«Если где-нибудь в любой стране мира произойдёт всплеск национализма» — читал Рогов, — «... можно не сомневаться: наследники Гитлера будут тут как тут и помогут основать новый, четвертый рейх, ещё более опасный, чем третий... Этой статьей редакция нашей газеты открывает новую рубрику «По следам Третьего Рейха»...

«Хм...», — Андрей сидел за столиком кафе и даже оглянулся, посмотреть, не следит ли кто-то за ним, — «Вот это напрасно... Эти ребята, обычно бьют по всем фронтам сразу...»

Статья заканчивалась драматичным предупреждением главного редактора газеты «Особо секретно», что его ждёт физическая расправа в случае публикации этих материалов — так пригрозил голос неизвестного в телефонной трубке, позвонившего в редакцию.

«Ну, это ты решил страху на читателей нагнать, старик. Обычно, эти люди не звонят, а сразу делают...»

¹ На немецком языке.

Андрей не верил в звонок в редакцию... Да, и если бы журналисты останавливались после каждого звонка с угрозами, то в газетах печатали бы только курс валют и прогноз погоды. И то — не факт. Кому-то они ведь тоже не нравятся? Но в журналистике так: — чем чаще пробуешь и оступаешься, тем больше шансов наткнуться на что-нибудь стоящее.

«Хм... Ладно...» — думал Андрей, сворачивая газету, — «Будем лоАндрюх нацистов... дедушка, вы видели Гитлера? — Иногда, когда хорошо выпью...»...

Рогов, как всегда, относился ко всему с иронией. Он объездил весь мир, и его трудно было чем-то удиАндрюх, но заинтересовать... Открытие новой рубрики, да еще такой — это всегда событие. Каждая последующая статья Головнина должна быть еще более яростной и обличительной, чем предыдущая — это залог успеха. Значит, у Артема накопилось достаточное количество материала на тему Третьего Рейха, и у старого друга было, чем поделиться и сним. Андрей терпеливо ждал.

...Прошло часа два. Рогов прочитал все свежие выпуски российских газет, выпил несколько чашек кофе и перепробовал в буфете все виды бутербродов — с сёмгой, с сыром, с красной икрой и даже с сервелатом, который обычно не жаловал. Наконец, он не выдержал и подошёл к стойке информации, чтобы узнать хоть что-то о чартерном рейсе из Питера. Девушка в униформе как-то неестественно засуетилась, вызвала... офицера. Тот, якобы сохраняя спокойствие, коего в глазах не наблюдалось, доложил:

— Самолёт Як-40, совершавший чартерный рейс Санкт-Петербург — Москва, упал сразу после взлёта, все девять человек, включая пятерых членов экипажа, погибли.

— То есть, как?... Как... это? — Андрею показалось, будто он получил от кого-то удар в нос — в глазах запрыгали искры...

Журналист посмотрел на сотрудника аэропорта, желая объяснений.

— Мы сожалеем — продолжал офицер, — больше нам ничего не известно.

Андрей все еще не мог поверить в трагедию. Чартерный рейс — полет без расписания и на табло аэропорта такая информация не высвечивалась. Он еще раз подошел к стойке информации. Девушка в униформе с виноватым видом пожала плечами, не зная, что сказать этому большому, беспомощному от ужасного известия, мужчине.

Андрей вынул телефон и машинально набрал Артема. Безразличный робот сообщил, что абонент вне зоны доступа, усугубляя чувство, что голос друга Рогов не услышит больше никогда.

Он еще раз посмотрел на администраторов, где аккуратные молоденькие сотрудницы бойко отвечали на вопросы дотошных пассажиров, и медленно пошел... Куда? Он пока еще не решил... Просто пошел...

За его плечами были десятки опасных приключений, тяжелых командировок в горячие точки, суровые милицейские будни прошлых лет и даже та страшная, никому не нужная война в Афганистане, где он был, по сути, еще совсем мальчишкой. Всё это время он терял друзей. Но к этому нельзя привыкнуть. Просто невозможно.

В ушах стояли слова Артёма: «... за эти сведения не задержат, за них просто сразу убьют... Ты должен это знать...»... Широколицый, всегда улыбчивый, Артем в этот раз был предельно серьезен, как оказалось, последний раз в своей недолгой жизни.

«Достали сволочи. Дотянулись...» — думал Андрей, — «Эх, Тёмка, Тёмка...». Он остановился у самого выхода из вестибюля, на миг задумавшись. Затем тряхнув головой, быстро вернулся в кафетерий, где еще десять минут назад пил кофе. На счастье, его столик еще не успели убрать. Рогов отыскал в ворохе прочитанных газет последний выпуск «Особо секретно». Со страницы газеты, на него улыбаясь, смотрел Артём Головнин.

— Л-ладно, Тёма. Повоюем...

Андрей аккуратно свернул газету и отправился к терминалу, откуда вылетали регулярные рейсы в Питер. До ближайшего самолёта было три часа, и журналист набрал Максима Калущкого.

— Алло, Макс/.../ Артем погиб /.../ Вот так... Только что самолет разбился /.../ Не знаю, пока ничего/.../ Я лечу в Питер /.../ Да, деньги, документы и дома сумка с вещами, девчонки мои знают где /.../ Ты же знаешь, я всегда готов/.../ Да, и вот еще что... скажи ребятам, пусть мой «гелик» домой отгонят... ключи передам... До связи...

Так начиналась новая командировка Рогова. Опасное путешествие по следам Третьего, а может быть и Четвертого Рейха.

* * *

Вечером того же дня самолет с отчаянным журналистом приземлился в Пулково.

Ездить по Москве в часы-пик на такси — дело неблагодарное. Да, и в Питере тоже. Городской автобус из аэропорта, и через полчаса Рогов был у метро.

Опыт подсказывал Андрею, что времени терять нельзя. Он почему-то был уверен, что гибель Артема — не несчастный случай. А если это так, то информация, хранившаяся в профайлах редакции «Особо секретно», могла быть, как полезной для следствия, так и опасной для сотрудников издания. Андрей быстро свернул на знакомую улицу...

...Участок тротуара и проезжей части перед домом, где находилась редакция, был оцеплен и огорожен пёстрой полицейской лентой. Здесь же стояли пожарные, полицейские автомобили и карета скорой помощи. Из окон на втором этаже валил дым. Внутри работала пожарная команда, а по периметру ограждения курсировала толпа зевак, которую отгонял сотрудник полиции.

— Не подходите, граждане, не толпитесь. Завтра всё прочитаете в утренних газетах и в Интернете...

Андрей смотрел на происходящее, как в тумане. Слишком много впечатлений и эмоций было отдано за этот день. Он опять вспомнил, как много лет назад летел с Артемом из Багдада, вместе слушали Tequilajazzz...

— Думаю издавать газету, Андрюх, — хвастался Артем, — инвестор уже есть.

— Как назовёшь? «Потёмки Артёмки»?

Друзья расхохотались в голос, отчего старушка, мирно дремавшая на кресле впереди, проснулась.

— Почти, — сквозь смех ответил Головнин, — думаю назвать ее «Зимнее солнце»...

... «Зимнего солнца» не получилось, зато, вот уже пятнадцать лет выходило популярнейшее издание «Особо секретно». Пожар и гибель главного редактора в один день, несомненно, вызовут широкий общественный резонанс. Неподалеку ходила группа представителей Следственного Комитета, с папками, о чем-то говорили и быстро записывали у себя.

«Видимо, это всё уже не поможет. Улик нет» — почему-то подумал Андрей, — «И говорить с ними не имеет смысла». Действительно, ничего полезного Рогов им сообщить не мог. Одни, ничем не подтвержденные, догадки.

Размышляя, журналист явственно почувствовал, как кто-то смотрит ему в затылок. Такое шестое чувство посещает время от времени любого, а Рогов умел включать один из этих инстинктов почти всегда — этому учили в школе разведки еще в молодости. Чтобы не спугнуть смотрящего, Андрей медленно повернулся под сорок пять градусов, делая вид, что смотрит куда-то в сторону. Боковым зрением он увидел девушку в пуховике и вязаной шапке с большим бубоном.

Девушка словно почувствовала, что ее обнаружили, и моментально затерлась в толпе, добежав до ближайшей подворотни, она нырнула в глубину двора. Он оказался проходным, и через несколько минут беглянка уже пыталась поймать такси за два квартала от редакции. Вдруг ее взяла за локоть чья-то «железная» рука.

— Вы хотели со мной о чём-то поговорить?

Перед ней стоял высоченный Андрей Рогов, и от его пронзительного взгляда укрыться было невозможно...

...Они сидели в маленьком уютном кафе уже второй час, а девушка все никак не могла успокоиться, дрожа всем телом от пережитых событий. Это была секретарша Артема Головнина — Маша Безродная. Она с перерывами рассказывала о том, что произошло.

Сначала «упал» сервер. Кто-то запустил «тройную программу» — прислал ее обычной электронной почтой одному из сотрудников. Тот, не посмотрев, скачал письмо и открыл его. Это был какой-то следящий вирус, который вскрыл систему паролей и дал хакерам полный доступ к информации. Погибли все файлы архива, касающиеся новой рубрики, связанной с поездкой главреда в Южную Америку ...Затем, почти сразу, пришло сообщение о гибели Артема Головнина.

Маша сжалась в комок. Она совсем не могла говорить. Не помогал даже сладкий чай и Андрей взял немного рома для девушки. Ему с трудом удалось уговорить секретаршу выпить чаю с ромом. Наконец, она немного успокоилась и продолжила рассказ.

Весь состав редакции убитый горем — внезапной гибелью главного редактора, которого, что бывает крайне редко, любили и уважали все сотрудники, собрался внизу, в комнате для конференций. В это время в кабинете Артема Головнина начался пожар. Пока почуяли запах, обнаружили, где и что, пока вызвали пожарных, кабинет выгорел практически дотла и огонь перекинулся на соседние комнаты редакции.

— Позавчера, когда заканчивалась верстка свежего номера, Артему Рудольфовичу позвонил по телефону странный человек и потребовал снять с печати какую-то статью, — вспоминала Маша, — они долго ругались и шеф, наконец, отбил от него. Он вышел весь напряженный и уехал домой, даже не попрощавшись.

«Значит, не обманул. Ему действительно угрожали» — мелькнуло у Андрея.

— Вчера его не было весь день, — продолжала девушка, — А сегодня утром сообщил по телефону, что вылетает в Москву, и вот..., вот...

Наконец, Маша, не выдержала и расплакалась. Артем, успокаивая, обнял ее за плечо, и заставил выпить еще порцию рома.

— А что я скажу в полиции? — наивно спрашивала уже пьяненькая Маша.

— То же, что и мне, — просто ответил Андрей, — слово в слово. Поняла?

Девушка, кивнув, горько улыбнулась в ответ и, казалось, ее слёзы просохли.

— А я вас сразу узнала, — вдруг сказала Андрею секретарша.

— Ну, что ж. Хорошо, — ответил журналист, пытаясь припомнить, когда он был в редакции друга в последний раз.

— Вы ведь актер Михаил Пореченков? — вдруг спросила Маша.

«Тыць Грыць!» — ошарашило Андрея, — «Еще скажи, ой, нет, извините, вы — Вилли Хаапасало...»

У девушки были явные проблемы со зрительной памятью.

— Я угадала? — с надеждой спросила Маша.

— Совсем не туда, — буркнул Андрей, — мы с ним даже не однофамильцы...

...Стилым ноябрьским утром к зданию Дома Писателя в Санкт-Петербурге шли люди с цветами и венками. Публика была настолько разная, что человеку со стороны было бы трудно определить, кого хоронят.

На гражданской панихиде официальный представитель мэрии назвал авиакатастрофу, в которой погиб Артём Головнин, неимоверным трагическим случаем, который отразится болью в сердце не одного рассудительного читателя.

«Ушёл из жизни человек в расцвете сил, энергии и желаний, человек, решивший отдать себя журналистике и правде, лучший по своему таланту», — речь чиновника была сбивчивой и, к большому удивлению, искренней.

А бывший сотрудник МИДа даже назвал Артёма Головнина знаковой фигурой европейской журналистики.

Кто-то из влиятельных московских посетителей мероприятия в прощальной речи патетически сообщил, что Артём очень любил Россию и делал всё, чтобы отношения людей в этой стране были «чище, правдивее, честнее». Что-то такое подобающее случаю провозглашали певцы, редакторы каких-то газет, представители дипломатических корпусов нескольких стран, бывших Республик СССР.

Кто-то из скандальных политиков выразил мысль, что за последние четверть века произошло слишком много загадочных трагедий с известными людьми. Их тайны до сих пор не раскрыты.

В общем, всё шло так, как это принято на мероприятиях такого рода. Но Андрею от этого было не легче. Почему-то вспомнил неимоверно точные слова Владимира Высоцкого:

«Бывший начальник и тайный разбойник
Лоб лобызал и брезгливо плевал.
Все приложились, а скромный покойник,
Так никого и не поцеловал...»

Нет, это не было смехом. Это была горькая ирония. Артёму уже все равно. Он этого всего не видит...

— Да уж, — недовольно бурчал какой-то сосед, похожий на музыканта — в черном костюме и рубашке с жабо. — сказали, самолет упал из-за обледенения корпуса. И стрелочников нашли. Дескать, техники, не обработавшие самолет противообледенительной жидкостью, командир экипажа, взлетающий «свечкой»... Отчитались...

Андрей молчал. Он, конечно, знал официальную версию крушения самолета, выполнявшего чартерный рейс. Ее сообщили буквально сразу после катастрофы, вечером того же дня. Но у него были совершенно другие подозреваемые. Вернее, даже подозреваемая — целая организация.

«Обратиться в Следственный Комитет? А толку? Ребята они, конечно, грамотные. Но что я им скажу? Я, мол, думаю, что Артёма убили фашисты Третьего Рейха... Глупо... Подумают, тронулся журналист. Эх, Рогов, опять сам. Думай, Андрюха, думай...»

Андрей, конечно, отстоял панихиду до конца, и проехал на Волховское кладбище, и кинул три последние горсти земли, как положено, хотя, если на чистоту, он давно уже простился в Артёмом по-своему. Он считал, что траурные речи на похоронах, в основном, производят те, кто к покойному не имел никакого отношения. По-настоящему скорбят молча... или плача. Но, поскольку Андрей не плакал никогда, ему оставалось молчать...

Другое дело — поминки. Они для того и существуют, чтобы поминать, говорить об усопшем. Поминки проходили в мало известном кафе ресторанного типа, чтобы не привлекать особого внимания общественности. Здесь, не было того пафоса, что у Дома Писателя потому, что собрались самые близкие и те, кто окружали Артёма каждый день — сотрудники редакции газеты «Особо секретно».

Наконец, настала очередь говорить и Андрей, налив себе немного, обязательной по случаю водки, поднялся со своего места.

— Друзья... да, я не оговорился. Сегодня мы все — друзья по несчастью. Артёма нет... Нет с нами, но...

Андрей на какое-то мгновение запнулся, выдохнув. Ему, действительно, было трудно говорить и, всё же, он продолжил.

— Вы знаете... Лет пятнадцать назад, Артём услышал где-то одну притчу, которая ему очень понравилась, и пересказал её мне.

... Умер некий человек. Всё, как в кино показывают про смерть: плавный отрыв от земли, прощальный взгляд на своё тело, которого ему было жаль не более волоса, упавшего с головы... Затем тёмный коридор и ослепительное сияние, от которого стало так хорошо и спокойно. Мгновение спустя он уже шёл вдоль берега реки Леты вместе с Богом. Впереди возвышались Врата Рая. Но, прежде чем войти в них, человек пожелал бросить ещё один, последний взгляд на дорогу своей жизни.

Оглянувшись назад, он увидел эту дорогу. И всю эту дорогу он отчётливо видел две пары следов. Одна принадлежала Богу. Вторая — ему. Но, к досаде своей, он отметил, что самым тяжёлым и грустным дням жизни соответствовала лишь одна пара следов. Второй же не было вообще.

И тогда спросил у Бога.

— Господи, Ты обещал, что, если я решусь следовать за Тобой, Ты будешь со мной всегда и не оставишь ни на мгновение. Но я вижу, что в самые горькие дни моей жизни Тебя не было со мной. Где же Ты был, Господи? Почему Ты покидал меня, когда я нуждался в Тебе более всего?

В ответ Бог обнял человека и, улыбнувшись, сказал:

— Сын мой, знай, что я любил тебя всегда и никогда не оставлял. Там, где видна лишь одна пара следов, там, где дни твои были полны отчаяния, я нёс тебя на руках...

Пронзительная речь Рогова заставила замолчать, даже самых болтливых и его голос отражался эхом в пустых стенах кафе.

— Сейчас Господь взял на руки нашего Артёма, чтобы уже не опускать на эту землю никогда. Светлая ему память!

Они выпили горькую, не чокаясь. Артём с улыбкой смотрел с портрета с черной ленточкой, будто говорил Андрею: «Ну, ты, Дрюх, задвинул. Мне что, ожить?...» Рогов только грустно улыбнулся в ответ...

У входа в кафе, куда вышли на перекур журналисты-криминологи, почти никого не было, лишь изредка проезжающие машины. Было около девяти часов вечера, подмораживало, и даже пошел легкий снежок. Андрей вышел чуть позже. Свежий морозный воздух ударил в лицо.

— Север, есть север. Я позавчера прилетел из Ростова. Там зимой еще и не пахнет...

Рогов намеренно вышел вслед за журналистами. Он, хоть и был некурящим, но чувствовал, что разговора не избежать. Даже наоборот, он ждал этого разговора и стремился к нему. Журналисты перебрасывались между собой какими-то отдельными фразами: «Говори ты...» «Хорошо, я скажу...» Один из журналистов, худощавый парень лет тридцати подошел к Рогову ближе...

— Извините, Андрей...? — сказал он, удлинняя ударение на последнем слове, ожидая услышать от журналиста отчество.

— Можно просто — Андрей, — и протянул руку.

— Вадим, — ответил парень, торопливо пожимая руку Рогова.

— Понимаете, Андрей... Мы знаем, вы дружили с Артемом Рудольфовичем... Мы... в общем, мы не верим, что это несчастный случай, — выпалил парень.

— Вот как? — Андрей изобразил удивление.

— Да, да. Не верим, — вдруг послышались голоса из коллектива.

— Вы, наверное, далеки от нашего рода работы, но мы — журналисты — криминологи и кое-что понимаем..., — опять начал Вадим.

— Понимаете, Андрей, — вдруг ворвалась в разговор какая-то девушка лет двадцати пяти. — Як-40 ударился о землю, не будучи обесточен, из баков хлынул керосин, но почему-то не загорелся. Вам это не кажется странным?

Тот, которого звали Вадимом, стоял рядом и поддакивал, кивая головой.

— Да! Судя по всему, пожара не было. А самолёт, как мне сказали техники, был заправлен в полёт керосином «под завязку». Я лично проводил расследование.

— ...Ребята! — оборвал словесный поток Андрей, — вам не кажется, что вы не о том думаете? У вас сервер «упал» в тот же день, и редакцию чуть не сожгли ...в тот же день... а вы о самолете говорите... Таких совпадений не бывает...

— Да-а! — Удивился Вадим и посмотрел на коллег, которые переглядывались, — А откуда вы знаете?

— Работа у меня такая — всё знать! Я журналист-криминолог, уже лет двадцать...

— Я еще пешком под стол ходил..., — смутился Вадим, как бы сообщая друзьям...

— ... К тому же, Артему, за два дня до этого угрожали по телефону..., продолжал он. — Сложим два и два!? Угроза, вредительство, крушение самолета и гибель главреда, пожар в офисе...не слишком ли много бед для одной редакции?

Журналисты, молча, хлопая глазами, смотрели на Андрея, который говорил не в свойственной ему эмоциональной манере.

— Не пугайтесь. Мне ваша Маша Безродная рассказала... Она, кстати, важный свидетель по делу, которое могут возбудить.

— Так она с вами? — удивился Вадим.

— Что значит, со мной? — недоуменно воскликнул Андрей.

— Ну, ее не было на похоронах, и вообще, как пожар случился, исчезла куда-то и на звонки не отвечает...

Андрей топнул ногой от досады.

— Твою дивизию... Где она живёт? — вскрикнул он.

Журналисты начали шушукаться и спрашивать друг у друга, где живет Маша. Оказалось, что никто толком не знал, где она живет. Знали, что сама она из Вятки и жила на квартире где-то на Западе Северной столицы.

— Всё, блин... приплыли, — Андрей обессиленный присел на ступеньку.

Журналисты растерянно смотрели друг на друга, о чем-то перешептываясь.

— Дайте сигарету, — спокойно попросил он и опять встал, отряхивая мокрую куртку.

Закурив, Рогов первым нарушил тишину.

— Мы потеряли ее... Вы это понимаете? Она единственная, кто слышал разговор Головина с угрожавшим, и может это подтвердить...

Журналисты неприятно перешептывались где-то за спинами у общей толпы товарищей, окружившей Рогова. «Кирдык мужику... Перегрелся... Детективов пересмотрел по телевизору...»

— Молодой человек, — вдруг громко сказал Андрей, который, оказывается, все слышал, — я телевизор не смотрю, я в нем работаю.

Парень смутился, не найдя, что ответить.

— Неужели вам не жалко вашу коллегу? — добавил Рогов, затягиваясь в очередной раз и закашлявшись с непривычки.

Внезапно у кого-то из журналисток зазвонил телефон.

— О! Машка! — радостно воскликнула девушка, — Алло, Маша... да/.../

Лица журналистов просветлели.

— Она едет к нам! — радостно сообщила журналистка.

— Скажи, пусть стоит на месте. Я сейчас! — подхватился Рогов, — где она?

Андрей почти кричал, а сотрудники «Особо секретно» смотрели на него, как на сумасшедшего.

— Да, она уже рядом. Не беспокойтесь Андрей. Она уже пешком идет, — успокаивала девушка, — О! Вон она!

Вдали, по тротуару шла Маша Безродная, в своем пуховике и в шапке с громадным бубоном. Совсем, как при встрече с Роговым позавчера. Увидев компанию друзей, она махнула рукой и ускорила шаг.

— Стой на месте! — заорал Рогов, но девушка не слышала его.

Она подошла к проезжей части, осмотрелась и спокойно стала переходить по «зебре» на другую сторону... Мгновение. Откуда-то из-за поворота выскочил джип «Чероки», и на огромной скорости сбив секретаршу, не останавливаясь, помчался дальше. Тоненькая, как тростинка, Маша от удара подлетела кверху и, опустившись на асфальт метрах в двадцати от места столкновения, ударилась головой о бордюр тротуара и замерла в неестественной позе...

Глава 2. В виду отсутствия улики...

Ночная улица ярко освещала фонарями тонкую пелену первого снега. Он все шел и шел, уничтожая следы протекторов только что промчавшегося автомобиля. Ужасное преступление и гибель молодой секретарши произошли прямо на глазах у сотрудников редакции «Особо секретно». Они только и успели, что вскрикнуть...

— Я знал, я знал..., — пробормотал Андрей и, бросив окурок прямо тротуар, не торопясь, пошел в сторону погибшей, обгоняемый разгоряченными журналистами...

Вся суета и бег молодежи к Маше наперегонки были уже бесполезны. Андрей знал это. Он просто шел, спокойно шел, сквозь топот ног и крики: «Полицию... Полицию... в скорую позвоните...»...

Конечно, даже объявив план «Перехват» по городу, полиция не нашла джип «Чероки», сбивший секретаршу. Такое впечатление, что его никогда и не было.

... Четыре часа Андрея допрашивал представитель Следственного Комитета, четыре часа продолжалось «переливание из пустого в порожнее». Рогова или не слышали, или не хотели слышать, повторяя, как мантру, одно и то же: «А где доказательства?». Андрей почему-то вспомнил беседу с сектантами, когда любой спор заканчивался единственным аргументом: «Ну, это одному Богу известно...» Так и здесь. И главное, всему находилось объяснение местных криминалистов. Самолет упал потому, что обледенел; второй этаж редакции сгорел по причине неисправной проводки, сервер редакции был подвержен хакерской атаке, как и у многих других в этот день, Маша погибла потому, что была невнимательна на дороге, а Артему Головнину никто не угрожал по телефону — это всё домыслы...

Логическая цепочка рассуждений журналиста, с опытом работы следователя, почему-то не нравилась следователю из Москвы. Может быть потому, что ему сказали, каким должен оказаться конечный результат? Но это было уже не важно.

В половине пятого утра Рогов, наконец, добрался до гостиницы. Сегодня, он в очередной раз понял, что никто этих преступлений не раскроет, и убийц Артема Головнина, а теперь уже и его секретарши Маши Безродной, не найдут, а, что самое страшное, — все спишут на случайность или «человеческий фактор».

...Андрея разбудил настойчивый звонок его мобильного телефона. На часах было 11.30.

— Андрюха! Привет! Абросимов говорит...

Один из ветеранов газеты «Особо секретно», которого Андрей знал уже много лет, срочно вызывал его в редакцию.

— Тебе это будет интересно! — заинтриговал Абросимов Рогова.

Через час с четвертью Рогов вошел в помещение редакции. Сразу в дверях его встретил Абросимов, мужчина, по виду ровесник Андрея с густой окладистой бородой, что в наше время встречается все чаще.

— Смотри, старина, — сказал, поздоровавшись, он, — у нас в отделе сидит какой-то непонятный гость, — поговори с ним...

— Для этого стоило меня будить, Эдик? — возмутился Андрей, но Абросимов его уже не слышал и нырнул в какую-то дверь, через пару минут он вышел вместе с молодым человеком, кавказской наружности, лет тридцати. На ногах у него были ярко-красные мокасины. Настолько яркие, что издали было видно — ноги у человека есть.

«Это что за Чингачгук?» — подумал Андрей, зная, что молодые люди иногда очень любят одеться эпатажно, как бы подчеркивая свою значимость в этом мире.

— Вы занимаетесь расследованием гибели самолёта? — спросил «чингачгук», не поздоровавшись, как будто так было и надо.

Андрей, в непонимании посмотрел на Абросимова. Тот глубоко вздохнул и пожал плечами.

— Ну, мы решили, что лучше тебя никто не справится... Правда?

— Кривда! — сердито ответил Рогов Абросимову, и опять переключил внимание на кавказца, — Так что вы хотели, уважаемый?

— Я вам очень помогу! — ответил собеседник, — хочу вам дать сканы двух фотоснимков. Видите? Это падающий Як-40 с вашим начальником. Снимки делали те, кто «завалил» самолёт. Заплатите мне за фотографии десять тысяч долларов, и я принесу вам оригиналы.

— Как тебя зовут? — спросил Андрей после паузы.

— Руслан.

«Вот, что странно» — подумал Рогов, — «Вроде, как наше имя. И русского богатыря у Пушкина зовут Русланом в поэме «Руслан и Людмила», а сейчас если Руслан, то обязательно из Южных широт... Правда, и Пушкин внук африканца... так чему я удивляюсь?»

— ...А меня — Андрей, — продолжил беседу Рогов. — Понимаешь, уважаемый, нет у нас сейчас десяти тысяч долларов.

Андрей доверительно обнял кавказца за плечо и предложил пройти внутрь редакции.

— Девочки, кофе! — скомандовал Абросимов, понимая, что беседа со странным гостем действительно заинтересовала коллегу из Москвы.

— А можно мне какао? — вдруг спросил Руслан.

«Вот наглец. Может тебе еще чаю с козинаками?» — подумал Абросимов. Честно говоря, он не очень верил в серьезность этого визита и не любил подобных церемоний, но, глядя на Андрея, спросил у сотрудниц.

— Девочки, у нас какао есть?

— Есть! Держим специально для дорогих гостей, — съязвила одна из журналисток.

Андрей подвел Руслана к маленькому кожаному диванчику, и они присели.

— Давай так! Ты нам сканы оставь, завтра эксперты скажут, не монтаж ли, а если не монтаж, то мы тебе обязательно позвоним. Устраивает тебя такой расклад?

— Устраивает, — неожиданно просто и почти не думая ответил кавказец. — Только я сам вам позвоню. На встречу пусть приходит женщина, она должна будет сесть в указанную мной машину, проехать в безопасное место, где ей и передадут фотодокументы. И никаких диктофонов и сопровождающих лиц.

Андрей хмыкнув, задумался. Уж больно этот парень был похож на дешевого «разводилу», который посмотрел телевизор, одел самое дорогое, что у него было — красные мокасины и пришел срубить денег.

— Руслан, пойми, не пошлём мы никого из наших девочек на такую встречу. Пусть всё будет, как ты сказал, только я сам приду.

Тут настало время задуматься Руслану. Он с недоверием посмотрел на Андрея, а тот «гипнотизировал» кавказца, излучая такой добрый взгляд, будто он не журналист, а, по меньшей мере, младший брат Матери Терезы и готов отдать всё...

— Вот, смотри, мой паспорт, — Рогов вынул документ из кармана, раскрыл и показал недоверчивому парню. — Я — гражданин Российской Федерации, не из редакции, не их СРУ и не ФСБшник, идеальный посредник. Согласен?

Лицо Руслана чем-то походило на физиономию мультперсонажа Лунтика. Вот с таким же выражением глаз он посмотрел на Рогова, который был, как минимум, в полтора раза старше его. Старше, но не старее... Журналист в темном костюме, который с натяжкой можно было назвать деловым. Светлые, но не густые волосы, крепкая шея, широкие плечи, большие кисти рук и... добрые-предобрые глаза.

— Почему я должен вам верить? — вдруг спросил Руслан.

— А что, у тебя есть варианты? — вопросом на вопрос ответил Рогов, глядя оппоненту прямо в глаза. — Это ведь не мы к тебе пришли, а ты к нам. И ты хочешь заработать денег. Не так ли?

— Хочу, — сказал Руслан, отводя глаза.

— Тогда ответь мне на один вопрос..., — Андрей запнулся, — Почему я должен тебе верить?

Неожиданно для Андрея «Лунтик» выпрямился, и его речь стала четкой и без кавказского акцента.

— Вам известно, что такое, например, гидролитические свойства вещества, уважаемый? При этих словах офис-менеджер чуть не уронила поднос с кофе и какао.

— Ну, в общих чертах, — Андрей был обескуражен. Обычно он, мог просчитать собеседника задолго до окончания разговора, но тут он, как человек, когда-то закончивший разведшколу КГБ, потерпел фиаско.

«Двойка, Рогов.» — только и подумал Андрей. Девушка уже поставила и кофе, и какао на стеклянный журнальный столик и тот, который назвался Русланом, уже далеко не «лунтик», продолжал свою речь.

— В некой секретной лаборатории велись научно-исследовательские работы по изменению физико-химических свойств жидкостей с помощью излучателей...

— А—а—а...

— Знаю, знаю ваш вопрос. Вы спросите, причем тут это всё к фотографиям, — продолжал удивительный кавказец в красных мокасинах, но с интеллектом кандидата наук. — Простой авиационный керосин, например... Не буду говорить формулу, всё равно не запомните... Так вот, этот керосин при облучении меняет свойства и перестает быть топливом. А через сутки, опять становится горючим...

— То есть вы хотите сказать..., — как замороженный пробормотал Андрей.

— ... Я хочу сказать, что самолет Як-40, который потерпел крушение три дня назад, взлетел на керосине, а летел — ... на воде. Поэтому и упал.

— Но, как же, простите, этот керосин облучили?

— ... На большом расстоянии. Для этого, в принципе, опыты и проводились. Можно превратить бензин в воду, лекарство в яд или, например...останоАндрюх маршевый двигатель межконтинентальной баллистической ракеты.

Андрей посмотрел вокруг. Сотрудники офиса занимались своими делами и не обращали внимания на беседу Андрея с «чингачгуком».

— Откуда вам это известно? — Андрей вдруг понял, что с этим человеком, который далек от того, чтобы красить заборы и вертеть шаурму, правильнее разговаривать на «вы».

— Я был ассистентом одного профессора, имя которого вам ничего не скажет. Да и никому не скажет. Такие люди как он, живут под секретными номерами... У меня есть все необходимые документы, чтобы доказать, что ЯК-40 упал не от обледенения. Но они стоят дорого... Очень дорого...

— Но для чего вы принесли эти фотографии? — Андрей все еще не мог понять цепи рассуждений этого молодого, но, видимо, очень умного человека.

— Хочу проверить вашу платежеспособность. Если сделка совершится, мы продолжим сотрудничество.

— Но что вас заставило...? — Андрей не успел договорить. Руслан будто читал его мысли и отвечал на вопросы предельно исчерпывающе.

— ... Как только я узнал, что за нашими исследованиями стоят люди Аль-Каиды, бежал... Я не хочу иметь ничего общего с этими людьми. Такие, как они, убили моего отца... в горах Афганистана... Я надеюсь, вы найдёте деньги, уважаемый...?

...На другой день Рогов, с десятью тысячами долларов в нагрудном кармане, сел в названную Русланом машину — старенькую «девяносто девятую» цвета «мокрый асфальт». Стоит ли говорить, что эксперты подтвердили подлинность снимков, которые вчера получил он? Он убедился, что имеет дело с человеком слова и теперь ехал на встречу с ним.

Водителя за рулём не было, в замке зажигания торчал ключ, проколовший бумажку с адресом — «... у круглой клумбы с фонтаном». Это тихий микрорайон Питера, построенный в своё время для ученых — парковая зона со старыми деревьями; лужайки, небольшие двух-трёх этажные дома.

Андрей нашёл Руслана довольно быстро. У большого каштана, уже давно потерявшего листву холодной осенью в ноябре, на старом стуле, сидел бывший «лунтик» и «чингачгук», а теперь, достаточно уважаемый Роговым человек. Андрей ни за что не узнал бы его в капюшоне, если бы не его широко расставленные ноги в красных мокасинах.

Казалось, что, ожидая Андрея, Руслан, облокотившись на спинку стула, любовался фонтаном в виде птицы Феникс, но вот только фонтан в это время, уже был выключен... Журналист быстро проследовал по безлюдной аллее и подошел к загадочному кавказцу.

— Не замерзли, уважаемый? — весело спросил он.

Ответа не последовало. Рогов дождался несколько секунд и, догадываясь о чём-то, обошел строптивого учёного полукругом. Место под капюшоном пустовало... У Руслана не было головы...

Андрей машинально сделал два шага вперед и увидел, что карманы ветровки, в которые были спрятаны руки таинственного кавказца, — в разводах крови. Рогов, надев перчатку, осторожно вынул из кармана, еще не успевшую застыть, руку убитого. На пальцах руки не было ногтей. Он почувствовал, как у него задрожали корни волос.

— Что это, Господи? — произнес он.

Из состояния шока его вывел резкий хлопок форточкой, где-то в доме за деревьями. Андрей резко развернулся и пошел от страшного места, почти бегом.

...Прыгнув в трамвай, он доехал до ближайшей станции метро и там слился с толпой...

— Макс, привет! Девчат моих заberi на время..., — Андрей стоял в вестибюле аэропорта «Пулково» и общался по своему мобильному телефону с генеральным продюсером телеканала Калуцким, с которым сотрудничал уже добрых пятнадцать лет.

— Что, оп-я-ять? — протянул в ужасе Макс. — Куда ты уже вляпался?

— Если бы вляпался, старичок... Я влип по уши! — засмеялся Рогов.

— Больше никуда не поедешь! Это твоя последняя поездка, так и знай!

Калуцкий обедал в ресторане и от волнения забыл о горячей солянке, которую ему только что подали.

— Ты уже как тот Абрам! — кричал Калуцкий, — вечно куда-то вступишь!...

Калуцкий осекся. Неподалёку от него сидел старый еврей в очках и ждал своего заказа. На слове «Абрам», он посмотрел на Макса, как будто действительно куда-то вступил и, продюсеру стало неудобно.

— Ладно, — продолжил Макс разговор с Роговым, — ...Когда ты будешь в редакции?

— Пока не знаю. Но эксклюзивчик привезу из Южной Америки.

— Отку-у-уда? Знаешь, Рогов, иди ты со своими эксклюзивчиками... Девчонок, конечно заберу, — добавил Макс после паузы. — У меня, как у Христа — за каменной стеной, ты же знаешь.

— За пазухой, Макс, за пазухой, — поправил Андрей

— Иди к чёрту! Понял? — обиделся Калуцкий.

— И тебе всего хорошего, — отвечал Андрей, — Позвоню на досуге. Всё. Пока!

В Питере ему оставаться было решительно нельзя. Да и в Москву, по крайней мере, сразу, ехать было бы крайне рискованно. Руслан видел его паспорт и что он, вымаливая себе жизнь,

рассказал обезглавившим его людям совершенно не известно. А рассказал, судя по вырванным ногтям, всё, что знал и всё, о чём только догадывался.

Билет в столицу Аргентины уже был взят и Андрей, прилетев в Шереметьево, не выходя из аэропорта, тут прошел на регистрацию.

Еще до всех этих событий, из Буэнос-Айреса с Роговым связался известный публицист Абель Касти. Он просил помочь разобраться с ребусом, что он получил «от какого-то Сергея Корня». Андрей не придавал бы особого значения этому сообщению, если бы в том странном письме не было бы сигнала «SOS»... Но события последних дней выключили журналиста из повседневных дел и он начисто забыл о письме. Так совпало, что статья Головнина о Третьем Рейхе и просьба Абеля Касти касались одного и того же региона — Южной Америки...

— Вот и разберёмся на месте, — пробормотал Рогов, пристёгиваясь ремнём в самолёте Air Europa. — А пока посижу-ка я в кресле прямо в небесах, часов так с пятнадцать... Аэробус натужно, как бы нехотя, взял разгон, и взмыл ввысь. Андрей улетал в Аргентину — страну зимнего солнца. Песня «Зимнее солнце» звучала в его наушниках, как память о безвременно ушедшем друге Артёме Головнине...

* * *

«В далекой сказочной и знойной Аргентине,
Где солнце южное пылает, как опал.
Где в людях страсть пылает, как огонь в камине.
Ты никогда еще в тех странах не бывал...»

Сергей Корень, снаряжая свой акваланг, напевал любимую песню своего деда — бывшего моряка, прошедшего две войны и не одно кругосветное путешествие. До погружения оставались считанные минуты. Обливаясь потом под солнцем провинции Рио-Негро, Сергей поднял голову, и, по своей устоявшейся традиции, посмотрел на океан...

В 1945 году одна таинственная фройляйн, бежавшая из капитулировавшей Германии в сопровождении шестерых мужчин, транзитом через фашистскую Испанию генерала Франко, причалила к этим берегам на субмарине. Важную особу сопровождали две подводные лодки Третьего Рейха.

Бухта Калета-де-лос-Лорос. Здесь немцев, которые пересекли Атлантику, с почестями встретили офицеры вице-президента Аргентины Хуана Перона. Сейчас уже никто не вспомнит подробностей этой встречи, как и момента затопления трех субмарин нацистской Германии. Известно только одно. В начале второго десятилетия XXI века, съемочная группа, во главе с Андреем Роговым, благодаря боевому пловцу и специалисту по военному и подводному морскому транспорту Сергею Корню, обнаружила три «сигар²ы» на дне Атлантики.

Было ясно, что так просто подводные лодки в конце проигранной войны никто не затопит. На борту одной из субмарин, а может быть и не одной, находилось золото. Андрей Рогов и Сергей Корень, которые в той экспедиции подружились, были готовы к очередному погружению, как вдруг, у эксперта — подводника пошла носом кровь. В госпитале определили предынсультное состояние и, в этот раз, экспедицию пришлось отложить до лучших времен.

Это было бы сродни эффекту разорвавшейся бомбы в среде ученых и военных историков, но исследования так и не были продолжены. Финансирование проекта все откладывалось и откладывалось. Затем, в суете пробежавших будней, никому это стало не нужно. Улетучилась возможность Андрея сделать научное открытие. Уплыла мечта Сергея найти один из кладов на дне Атлантики. Да. Были времена, и было, что вспомнить...

² «Сигара» — на жаргоне исследователей — подводная лодка.

— Давай быстрее, неверный! — послышался сердитый окрик на английском языке, за спиной. — Ты специально тянешь время, чтобы разыгрался шторм?

Высокий, сухощавый и, должно быть, очень сильный физически, араб, в гидрокостюме и с большой рыжей бородой, стоял в пяти метрах от Сергея.

— Оставь его в покое, Салех, — смеясь, одернул товарища такой же бородатый «ныряльщик», — ему еще вспоминать, где эти чертовы «сигары».

Второй, подмигнул Сергею с недоброй улыбкой, пристегивая к ноге хромированный нож. Корень, без эмоций, соответствуя своей фамилии, стал спокойно складывать вещи в рюкзак: серую толстовку с надписью на груди SINGUP, тёмные штаны армейского кроя, высокие чёрно-белые кроссовки Adidas с ярко-зелёными вставками.

Все так же, как и год назад — то же яркое солнце и шум прибоя, та же укромная бухта на побережье Атлантики, только вот рядом — не друзья, а арабские военные.

Калета-де-лос-Лорос — на туристических картах она не отмечена, но всегда на слуху у местных рыбаков. Песок здесь только на прибрежной полосе. А всё остальное — чёрно-коричневые скалы и огромнейшие камни, что скатились когда-то почти к самой кромке воды. В них спеклись вулканические породы, которые торчат из плотного песчаника большими и маленькими шарами. Два пикапа Honda Ridgeline, что привезли восьмерых бородачей и украинского ныряльщика, а вместе с ними и дайверское снаряжение, припарковались у этих глыб.

Чайки расхаживали поверху клокастой травы, которую постоянно трепал ветер, и надрывно галдели.

— Всем подготоАндрюхся! — перекрикивая птиц, скомандовал по-арабски главный бородач и подчиненные, еще не полностью переодевшиеся из своих камуфляжей в гидрокостюмы, засуетились.

— Ты готов? — спросил араб у Сергея.

Уже была надута большая резиновая лодка и один из арабов — лодочник, перепроверял мотор.

— Окей, — спокойно ответил арабу Корень, — я готов показать вам, где субмарины. Поплывём?

Бородач подозрительно прищурился. После небольшой паузы, он, без эмоций, что-то сказал своим на арабском, и опять перешел на английский.

— Покажи мне пальцем, где затоплены подлодки и как это место можно привязать к карте?

Корень быстро сориентировал араба на местности. Указав координаты и конкретно точку погружения. Оторвав взгляд от планшета, он вдруг увидел в руках у Салеха «Heckler&Koch P 11». Сергей, как бывший боевой пловец не мог не знать этого оружия. Подводный пистолет, состоящий на вооружении у армий НАТО, был грозным оружием подводной стихии и незамеченным для ближнего боя. Такие же «игрушки» были в руках у других членов этой «мирной» экспедиции.

Да, он был в плену и прекрасно знал, чем заканчиваются такие услуги террористам. Его расстреляют, а скорее всего, просто отрежут голову, чтобы не тратить патронов. И это случится, как только они вернутся обратно. Он даже представил себе тот нож, лезвие которого пройдет по его горлу, и поежился...

— Иди вперед! — толкнул в спину все тот же агрессивный Салех, — попытаешься убежать, застрелю...

Изрядно погрузневший на пенсии, сорокапятилетний боевой пловец Сергей Корень только тихо вздохнул...

— ... Поплавать хочешь? Ну, пошли, любезный.

— Говори на английском, пес неверный! — прокричал Салех, и тут же добавил командиру на арабском. — Али-саед, разреши, когда вернемся, я ему лично голову отрежу!

Командир выдержал паузу, а затем утвердительно кивнул головой.

Сергей, что называется «ломал комедию». Он отлично знал арабский язык и прекрасно понимал всё, что говорили его пленители. Так было удобнее: может, сболтнут чего-то лишнего. Вот теперь он уже точно знал, что ему отрежут голову. Корень вообще был на удивление спокоен. Казалось, что он не в плену, а просто едет на пикник с друзьями, которые постоянно подтрунивают над ним. Вот сейчас они разведут костер, разобьют палатку, угостят пивом, и все обиды будут забыты... Так Сергею было проще настраиваться на решительные действия.

Побережье бухты Калета-де-лос-Лорос каменистое, но у самой кромки воды есть безопасный пологий пляж, разместившийся вдоль подковообразного берега. Песчаная прослойка уходит по скале в море, а там волны дробят её, перемалывают и шлифуют в своей постоянно вертящейся мельнице, чтобы затем выбросить чёрную гальку на светло-коричневый прибрежный песок. Это место хорошо защищено от океанских волн и сильного ветра, тем не менее, достаточно заметные буруны грязно-болотного цвета перемешивали сгнившие водоросли под ногами двух индейских девочек-подростков, взявшихся тут невесть отсюда. Но на них никто не обратил внимания.

Большая резиновая лодка была спущена на воду, два водителя остались с пикапами, а пять аквалангистов с лодочником и Сергеем выдвинулись к месту, которое было указано им на карте.

...Под водой взбаламученный песок с обрывками водорослей не давал видеть хоть что-то дальше пяти метров. Тем не менее, они уверенно плыли на Восток, всё дальше и дальше погружаясь в более спокойные глубины. Ниже слоя скачка температуры, — «термоклина», видимость существенно улучшилась — до семи-десяти метров. А на участке, примыкавшему ко входу в бухту, прозрачность воды составила уже не менее пятнадцати метров. Путь непрошеным гостям освещали лучи мощных подводных фонарей.

До глубины метров в двадцать шла невысокая изрезанная скала, а дальше песок. Арабы, ведомые Сергеем, плыли вдоль этого песка, вспугивая крупных осьминогов. Обычные обитатели, в основном морской окунь-терпуг, кружились кольцом вокруг отряда подводных пловцов, на песке встречались камбалы. На глубине, примерно тридцать метров, оказались крупные «сигары», занесённые песком. У одной из них была хорошо отличимая корма с нержавеющей винтом. Это и были затопленные немецкие подводные лодки U21. Красивые и рациональные даже сейчас, спустя 70 лет после затопления.

Выбранная для проникновения подлодка была построена, как и все остальные, по одному принципу: стальной огурец, разделённый поперек переборками на отсеки, и вдоль — на палубы. В переборках есть переборочные двери, соединяющие отсеки между собой. В эту подводную лодку можно было попасть через входной люк в средней части, над центральным постом. Носовой, т.е. торпедный люк, находился слишком глубоко под песком, а кормовой ещё надо было поискать.

Подплыв к среднему люку, Корень обернулся и жестами показал: «Здесь!». Двое самых сильных пловцов вскрыли средний люк и один из них, вместе с командиром, проник прямо в Центральный пост — место, где обычно происходит всё управление.

После кормовой переборки Центрального поста, оба араба проникли в отсеки винта, в которых размещаются устройства и механизмы, приводящие подводную лодку в движение. Это и турбины, и генераторы, и линии валов. Ещё два водолаза, оставшиеся снаружи, тоже начали спускаться через люк к Центральному посту подлодки.

Снаружи остались только Салех и Корень. Злой араб с пистолетом в руке, жестом показал Александру: «Вперед!». Боевой пловец не стал спорить и нырнул в тёмный зев люка.

«Сейчас, или никогда...» — решил он, входя в темноту субмарины. Он был прав, другой возможности для побега могло и не быть.

Салех, в свою очередь, и подумать не мог, что этот «толстый неверный» осмелится напасть на него, но подумать, у него и не было времени. Нырнув вслед за Сергеем, он, вдруг получил такой удар в нос, что в глазах забрезжили «все суры Корана» одновременно. Это был даже не удар. Не тратя силы на сопротивление воды, Корень сильными пальцами, которыми мог согнуть пятак, ухватил араба за нос. В тот же момент переносица Салеха хрустнула. От этого, араб выронил пистолет. Затем Корень, нанес удар «в один дюйм» в солнечное сплетение врага и выдернул изо рта кислородный шланг. Салех, так и не понявший, что с ним происходит, начал судорожно загребать руками и ногами, и ударился головой о дверной проем. Это окончательно оглушило его. Сергей всем телом повис на арабе, обхватив его и руками, и ногами. Затем перебрался задыхающемуся врагу за спину и обхватил шею удушающим приемом. Не прошло и минуты, как Салех обмяк и Сергей вытолкнул его из субмарины в «свободное плавание», а сам выплыл вслед за ним и, стремительно работая ластами и руками, бросился обратно, на Запад, в сторону берега, прочь от немецких подлодок...

Сергей прекрасно знал, что делает. Опыт спас жизнь и ему, и экспедиции Рогова год назад...

Лодочник не мог бросить якорь. Для этого было слишком глубоко. Пришлось дрейфовать в обозначенном квадрате, иногда запуская мотор, борясь с, относящим лодку к берегу, океанским течением. Вдруг совсем рядом с правым бортом из глубины вырвался высокий фонтан, вслед за которым тут же, через несколько секунд, вывернулись, точно наизнанку, сами морские глубины. Мощнейший взрыв приподнял на дыбы, как лушпайку от семечки, лёгкую надувную лодку и опрокинул её. Несчастный араб ударился о мотор головой и бездыханный закачался на волнах, удерживаемый спасательным жилетом.

Наблюдавшие эту сцену в бинокль водители пикапов страшно закричали и забегали по берегу из стороны в сторону, связываясь с кем-то по рации. Затем, ещё раз навели оптику на место взрыва и бросились по машинам. Моторы пикапов взревели, и «Хонды» стремительно покинули пустынный, замусоренный водорослями, пляж бухты.

Минут сорок спустя, океан выбросил на побережье еле двигающегося человека.

Индийские девочки, заметили его и опасно подошли. Из ушей и носа Сергей Корня текли струйки крови...

Одиннадцатилетняя Габриэла, оставив сестричку Аю с «умирающим гринго», убежала искать взрослых. А на пляже не осталось ни одной чайки, они все пировали рыбой, оглушённой в устье бухты самоликвидирующим взрывом нацистской подлодки. Взрывом, который, вместе с пятью жизнями, унёс с собой в глубину океана тайну одного из самых загадочных подводных кладов Второй мировой...

Через девять месяцев после этих событий, шасси авиалайнера с Андреем Роговым на борту, коснулись посадочной полосы международного аэропорта Эсейсы, что в 22 км к юго-востоку от Буэнос-Айреса...

Глава 3. Есть такая работа — всё знать...

Город Эсейса для Буэнос-Айреса, в первую очередь — международный аэропорт. Двадцать два километра и вы в столице Аргентины. Но Андрею Рогову не надо было в столицу. Его коллега Абель Касти жил в «аргентинской Швейцарии» — городке Сан-Карлос-де-Барилоче. А это ещё час сорок на самолёте внутренних авиалиний Aerolineas Argentinas.

Андрей отыскал салон связи Movistar Argentina и приобрёл местную Sim-карту. Наконец-то, он смог связаться с Абелем Касти, не подвергая его опасности.

— Абель? Это Андрей Рогов, я в Аргентине.

— Синьор Рогов! Рад слышать вас! — эмоциональный аргентинец кричал в трубку так громко, что Андрей, поневоле оглянулся вокруг. Но окружающим до приезжего европейца не было никакого дела. А Касти, как и надлежало аргентинцу, продолжал тараторить в трубке.

— Алло... Алло, синьор Рогов. Это хорошо, что вы приехали так вовремя. Я встречу вас в Сан-Карлос-де-Барилоче, в аэропорту Тениенте Луис Канделариа. Вы слышите меня, сеньор Рогов?

— Я вас отлично слышу, — с улыбкой успокоил собеседника Андрей. — Не стоит беспокоиться, я доберусь до вашего офиса самостоятельно. Пожалуйста, не встречайте меня и не сообщайте никому о моём приезде.

— А что случилось?

— Так надо, сеньор Касти.

Рогов знал, что разговаривать с аргентинцем по телефону — это всё равно, что спросить у одесситки про ее соседей — убьёте себя медленно и изощрённо. Поэтому журналист быстро прекратил разговор и поторопился на очередной самолет.

* * *

Аргентина... страна эстуария Ла-Платы и наивысшей точки Южной Америки — Аконкагуа, незабываемого танго и неподражаемого футбола, тропических лесов и злаковых прерий. Бывшая испанская колония, определившаяся аргентинской нацией в конце XIX, начале XX веков из состава преимущественно испаноязычных эмигрантов из Европы. И хоть в Аргентине 85% населения — потомки выходцев из Старого Света, сегодня здесь нет понятия «понаехали». Есть свободный аргентинский народ с официальным государственным испанским языком. Местные коренные жители — индейцы мапуче, колла, тоба и другие, давно приняли у себя цивилизацию и живут в родной Аргентине на равных правах с белыми. В общем, красивая, самобытная, экономически крепкая страна, которая легко могла бы быть примером для подражания еще не определившимся державам.

...Издательство «Aldebaran» находилось на площади Карлоса Видерхольда, вблизи известного бутика «Mamuschka». «Явно кто-то из наших назвал свой магазин «Мамушка», — подумал Андрей, захлопывая дверцу такси. По дороге из аэропорта, в течении сорока пяти минут он созерцал изумительную по красоте череду чудесных озёр и горных вершин, освещённых утренними лучами зимнего солнца, которое на этой половине земного шара, конечно же, было летним.

Тротуар перед фасадом был выложен белыми и чёрными резиновыми плитками. Рогов прошёл через аркаду с магазинами, торгующими предметами роскоши, в большой красно-золотой вестибюль. «Альдебаран» занимал апартаменты на третьем этаже, с окнами по фасаду. Двери были из двойного хрустального стекла, с металлической окантовкой под платину. Пол фойе устилал индейский ковёр с характерным пестрым узором. Серебристые матовые стены добавляли помещению мистического колорита. Такое себе НЛО, собирающее реликвии индейцев.

Далее, мистика усиливалась. На тёмных подставках модной угловой мебели магически сверкали бронзой скульптуры индейцев племени мапудунгуна. С их языка, «вурилоче» можно перевести как «люди за горой», что в полной мере описывает главную особенность местечка Барилоче. В углу располагалась огромная трёхгранная витрина с образцами старинного испанского оружия.

Андрей, как зачарованный, смотрел на всю эту экзотическую красоту.

На выступах, островках и ступеньках из блестящего зеркального стекла разместились реплики всевозможных старинных «огнестрелов», инкрустированные слоновой костью, какие только могло создать воображение оружейника. Здесь были выставлены аркебузы и мушкеты, флуэи и кремнёвые пистолеты на любой случай и для любого вида боя.

Мужчину всегда тянет к оружию. Ничего не поделаешь — генетика: мужчина-охотник, мужчина — добытчик, мужчина — защитник.

Устрашающего вида абордажные сабли выглядели так, словно были готовы вырваться из застеколья по одному только командному крику. Гранёные испанские шпаги, украшенные большими золотыми гардами, напоминали стройных девочек на уроке танцев.

Но венцом всего было нечто в виде очень маленькой пушечки или ручной бомбарды, которую способен носить один человек. Короткий ствол «ручницы» прикреплён к концу палки с крюком; противоположный конец палки держался под мышкой, а крюк цеплялся за какую-нибудь опору, чтобы удержать отдачу. Ручница стояла просторно, в центре, прямо на уровне глаз и была снабжена поясняющей табличкой «Подлинный образец оружия наших испанских предков, завоевавших Новый Свет». Так должен был выглядеть предмет высшего вожеления коллекционера оружия.

«Так, всё! Решено! Начинаю коллекционировать...», — подумал Андрей и тут же добавил про себя — «...Вот только живым домой доберусь.»

Да, он отвлекся от цели своего визита, но в реальность его тут же вернула цивилизация — звук работающего принтера.

«И так всегда. Только собрался помечтать об аркебузах у себя в предбаннике...» — иронизировал сам с собой Рогов.

Прямо за этой чудесной выставкой-коллекцией оружия, в дальнем углу, у небольшого, огороженного решёткой угла с факсом, сканером, принтером и компьютером — сидела милонидная индейская девушка.

— Ку-ку! — не сдержавшись, воскликнул Андрей, отчего индианка захлопала глазами.

— Простите, мистер Ку-Ку... — отреагировала девушка на плохом английском, — вы к кому?

«Пошутил называется...» — недовольно подумал Рогов, — «Другой континент — другой юмор...»

Здесь же, неподалёку, рядом с дверью директора издательства, за полукруглым письменным столом, располагалась стройная темноволосая красавица-аргентинка, скорее всего испанского происхождения. Судя по бронзовой табличке, это была сеньорита Анабель Феррер.

— Ко мне, пожалуйста, мистер Ку-Ку, — затараторила аргентинка, — на все вопросы здесь отвечаю я, мистер Ку-Ку...

«Вот же, ляпнул на свою голову...», — подумал Андрей и подошел к столу секретарши.

Из-под серо-стального жакета красавицы-аргентинки выглядывала тёмно-бордовая блузка с алым галстуком. Из нагрудного кармашка виднелся уголок носового платка, настолько острый, что им, вероятно, можно было бы вскрывать конверты.

Единственным украшением сеньориты Анабель служил серебряный браслет «Pandora» с разнообразными шармами. Тёмные волосы, разделённые прямым пробором, свободно падали на плечи. А ещё была гладкая оливковая кожа, которая могла свести с ума любого, и по-цыган-

ски чёрные глаза, которые, вероятно, в какое-то другое время и в каком-то другом месте могли выглядеть страстными.

— Рогов, — представился Андрей по-английски, боясь получить «ку-ку» в третий раз.
— Андрей Рогов. Я должен встретиться с сеньором Касти.

Девушка внимательно смотрела на гостя. О чем она думала? Светловолосый гринго с глумливой физиономией, после суток, проведенных в креслах трёх самолётов и вестибюлях трёх аэропортов, даже при его хорошем настроении, выглядел уставшим.

— Простите, вам назначено? — недоверчиво спросила Анабель на английском, рокоча по-испански звук «г»

— Нет.

— Без предварительной договоренности встретиться с сеньором Касти очень трудно.
Андрей не стал спорить.

— По какому вы делу, сеньор...? — девушка продолжила разговор таким тоном, как будто собиралась выдворить гостя на улицу.

— По личному.

— Полагаю, вы — знакомый сеньора Касти?

— А что, сеньор Касти принимает только знакомых?

— Отвечайте на мой вопрос! — сердитая аргентинка слегка раздула ноздри аккуратного носика. — Как вас предстаАндрюх?

— Скажите ему, что я товарищ сеньора Корня — он поймет.

Девушка надменно усмехнулась.

— А вы уверены, что сеньор Касти знаком с сеньором Корнем?

Она положила свою ручку рядом со стопкой рекламных буклетов. Потом важно откинулась на стуле и начала постукивать по крышке стола коротким красным ноготком. Андрей знал, как обороняться.

— ЗнаОм. Это точно, как и то, что у вас красивые глаза, мадмуазель.

Индианка у факса наострила ушки, и опешила от такой фамильярности белого мужчины. Изящная и грациозная, но какая-то неуверенная, она походила на кошечку породы кохона в доме, где лысых кошек не очень-то жалуют. Сеньорита Феррер, тем временем активно набирала воздух ртом, сдерживаясь чтобы не нагубить.

— Этот гринго меня достал, — сказала Анабель на испанском индианке.

— Этот гринго, — заметил Андрей на испанском, с улыбкой, — летел с другой стороны Земного шара, чтобы встретиться с вашим шефом. И вообще он не гринго, а европеец...

Какая досада! Оказывается, «проклятый гринго» знал испанский язык. Сеньорита Феррер, подавив смущение, опустила голову, делая вид, что пишет.

— Возьмите карандашик в левую руку. Вы ведь левша? — вдруг сказал Рогов, глядя девушке прямо в глаза...

Анабель была настолько удивлена, что просто замерла и поймала взгляд Андрея, остановившись на нём.

— А откуда...вы...?

Спохватившись, поняв, что теряет самообладание, испанка поджала губки и начала листать какую-то книгу, будто бы так и надо.

— ...У сеньора Касти совещание, — добавила Анабель через некоторое время. — Я скажу ему о вашем визите, как только для этого представится возможность.

— Вот и отлично! Спасибо, — выдохнул Андрей, — Какой у вас пароль от wi-fi?

— Aldebaran — равнодушно ответила сеньорита Феррер и тут же добавила индианке на немецком. — Ну, ты смотри. Он еще и Интернетом пользуется.

— Еще как пользуюсь, фройляйн! — засмеялся Андрей, провозглашая свою фразу с настоящим Берлинским акцентом, а вы, не смотря на свои молодые годы и такие красивые глаза, знаете достаточное количество языков. Поболтаем по-русски?

Последние слова Андрей неожиданно проговорил на русском языке. Строптивость Анабель сменилась крайним любопытством. Она смотрела на Рогова.

— Вы кто? — спросила девушка-полиглот на ломанном русском.

— Мент без пальто! — ехидно ответил журналист, — Парлэ ву франсе?

Анабель отвернула взгляд куда-то в стол.

— А глаза у вас всё равно красивые, — напоследок выдал журналист и, отойдя от стола со строптивой секретаршей, уселся в кожаное кресло, стоящее неподалёку. Оно оказалось значительно неудобнее, чем обещал его внешний вид.

Время шло, никто не входил и не выходил. Из угла время от времени раздавалось приглушенное жужжание факса под надзором «гавайской кохоны» и шорох её бумаг — как будто бы минуты проходили на цыпочках, прижав палец к губам со звуком т-с-с-с. Андрей, то и дело, чувствовал на себе взгляды Анабель, которые она украдкой кидала на этого «ироничного наглеца из Европы».

Зрелому человеку нет нужды искать эмоции во внешнем мире. Ему хватает собственного внутреннего ощущения наполненности жизни. Тем не менее, журналист без обмена информации — как аргентинка без изюминки. Нужно было пройтись по соцсетям и заглянуть в электронную почту. Так и есть! Сообщение от Эдуарда Абросимова. Питрский журналист жаловался на то, что, за отсутствием состава преступления и доказательств, Следственный Комитет РФ закрыл дела по разбившемуся «ЯК-40», по поджогу редакции «Особо секретно» и гибели секретарши Головнина — Маши Безродной.

— Я почему-то не удивлен..., — только и пробормотал Андрей.

Рогов вдруг почувствовал такую безысходность. «Если уж власти на Родине не в состоянии спрашивать с этими мерзавцами, что уж говорить о Зарубежье? Л-ладно. Разберемся...»

В этот момент открылась дверь кабинета Касти и оттуда вышли два улыбающихся сеньора. Третий придерживал перед ними дверь и тоже улыбался. Они сердечно потрясли друг друга руки, потом первые два прошли через фойе к выходу. Оставшийся сеньор, как заправский лицедей, поменял улыбку на такой недоступный вид, словно вообще с самого рождения не улыбался даже маме. Это был худощавый человек средних лет в белой рубашке и серых брюках, с выражением на лице, говорившим: «Все вокруг такие невинные, такие правильные и хорошие, что складывается впечатление, что в аду гореть буду только я».

Сеньорита Феррер сообщила ему нежным голоском:

— Вас дожидается сеньор ...из Европы.

— Я же сказал, что сегодня никого не принимаю, Анабель! — рассердился мужчина.

— Он сказал, что ему необходимо с вами поговорить по личному делу...

— Рохоу или Рогов — нечетко прочитала Анабель с бумажки.

Мужчина застыл на месте, как вкопанный.

— ... Он говорил о каком-то сеньоре Корне..., — начала было секретарша, но не успела закончить фразу.

Касти резко повернулся и, увидев Рогова в кресле, бросился к нему. Он был немного пониже Андрея и казался похожим на стальную пружину. На карих глазах поблескивали квадратные очки в тонкой металлической оправе. Элегантная белая рубашка сидела на нём отлично. Все его манеры возвещали о том, что с этим сеньором не допускается обращаться запросто. Рогов встал.

— Андрей, дружище, какого чёрта вы тут сидите!?! — пролаял Абель по-английски.

— Хотел присмотреться, что здесь, да как...

— А как, чёрт побери, здесь ещё может быть?!

Абель схватил протянутую руку Андрея и стал ее трясти так, словно встретил Президента и позирует для многочисленных фото и телекамер.

— Я так рад вашему приезду! Вы себе даже не представляете.

При этих словах сеньорита Анабель Феррер почему-то спрятала глаза. Она не помнила, когда ее шеф так перед кем-нибудь «расстился».

— Ну, как вам у нас, дружище? — с воодушевлением продолжал Абель.

— Судя по тому, какая здесь коллекция оружия, у вас есть машина времени, и вы ею регулярно пользуетесь, наполняя полки экспонатами.

— О, да-а-а! — протянул главный редактор, засмеявшись — Это моя слабость... Ну, что же мы стоим? Пройдёмте, пройдёмте скорее.

Учтивый Абель положил ладонь на спину Андрею, приглашая в свой кабинет.

— Анабель! На три четверти часа меня нет ни для кого, даже если явится сама сеньора президент Кристина Фернандес де Киршнер!

— Слушаюсь, шеф.

Шутка про сеньору президента Аргентины очень понравилась сеньорите Феррер — в самой глубине её цыганских глаз промелькнули лукавые искорки.

— И кофе, кофе, кофе, — скороговоркой вполголоса добавил Касти, что давало понять — кофе нужно принести немедленно.

Кабинет Абея Касти обладал всем, что только можно требовать от помещения, в котором работает глава серьезного издательства. Он был просторный, неярко освещённый, спокойный, с кондиционированным воздухом. Стеклопакеты и полуприкрытые жалюзи препятствовали вторжению декабрьской жары. Портьеры мятного цвета гармонировали с плотным фисташковым ковром. В углу стояли массивный подсвеченный террариум с влюблёнными жабами и стеллаж с нацистскими реликвиями. На стене висела большая картина, выполненная яркими красками на коже, изображавшая древнего индейца майя, управляющего каким-то космическим аппаратом в разрезе. Табличка под индейцем возвещала: «Пакаль Сияющий Щит правитель Баакульского царства майя со столицей в Лакам-Ха (Паленке) с июля 615 года по август 683 года».

Красавица индианка уже поставила чашки с ароматным кофе на небольшой столик и со словами «эспрессо для сеньора из Европы» удалилась.

Абель остановил взгляд на уходящей секретарше, чуть ниже пояса и задумался.

«Кто о чем, а аргентинец об аргентинке» — ухмыльнулся про себя Рогов.

— Сеньор Абель, вы случайно не о нацистах думаете? — спросил он вслух.

Касти понял, что Андрей застал его врасплох, поэтому слегка стушевался.

— Да-да. Столько работы. Просто зашиваюсь. — невпопад ответил аргентинец.

— Конечно, конечно... Вот, кстати, посмотрите...

Андрей уже достал из своей небольшой кожаной сумки газету «Особо секретно» с анонсом статьи о колонии Дигнидад на обложке и протянул Абелью. Тот внимательно посмотрел на неё.

— Вы же знаете, я в русском не силен... Кто это — Ар-тём Го-лов-вин? — спросил Абель Рогова, с трудом, по слогам, читая имя, написанное кириллицей.

— Головин, — поправил Андрей, — Мой друг из Российской Федерации. Такой же охотник за нацистами, как вы и я.

— Вот это мне нравится! Нас становится всё больше и больше! Единомышленники должны работать вместе.

— Должны..., грустно усмехнулся Андрей, — вот только... четыре дня назад Артёму устроили авиакатастрофу, каким-то неведомым способом, облучив и изменив свойства топлива в самолётных баках.

— Joder!³

В ответ на досаду Абеля Андрей качнул головой и продолжил.

— Когда я разговаривал с Головниным последний раз, он сообщил, что ему угрожают убийством за публикацию сведений о колонии Дигнидад в Чили... Так что, сеньор Касти, у меня теперь тут два дела. Одно наше с вами, и другое...

— Ни слова больше, Андрей! Это и моё дело! Мы ведь с вами партнеры и... я надеюсь, друзья? — заявил сеньор Касти голосом, который можно было бы зарисовать в виде кобры, вставшей в стойку.

— Конечно, Абель, — ответил Андрей и пожал протянутую руку испанца еще раз.

«Как легко у них, у иностранцев.» — думал Андрей, — «Партнер, друг... все смешивают в одну кучу. Может и дружба у них такая...»

Абель Касти, будто прочитал мысли Андрея и, поняв их дословно, обошёл вокруг письменного стола с открытым макбуком, уместился в вертящемся кресле на колёсиках и взял сигару из хьюмидора красного дерева с медными уголками. Жестом предложил Рогову.

— Вообще-то я не курю, — заметил Андрей, взяв сигару, — но от хорошего табака и Шварценеггер не отказывается.

— Оу. Железный Арни!...Знаете, Андрей. Что-то мне подсказывает, что он вам не конкурент.

Андрей, как и подобает взрослому мужчине, не обратил внимания на такое сравнение. Обрезав кончик сигары и, прикурив от стоящей на столе медной зажигалки в виде пиратского пистоля со стволом «тромбоном», он сел в неподвижное массивное гостевое кресло, глубоко затянувшись отличным английским табаком.

— Давайте сначала по вашему ребусу, Абель. Вернее, по тому письму, что прислал Корень.

— Я получил по электронной почте с неизвестного адреса письмо, подписанное «Сергей Корень». Вот, посмотрите на экране, — Касти развернул макбук к Андрею, — тут какая-то схема местности без единого топонима. И по-русски написано только «скажите Рогову». А ещё «SOS» — это переводить не потребовалось...

— Хм... Задачака..., — Андрей внимательно смотрел на письмо Сергея, о чем-то сосредоточенно думая, — где это?

— Кто он вообще такой — это Корень? Почему прислал мне это письмо, а не кому-то другому? — нетерпеливо спросил аргентинец, — Он учёный?

— О-о-й, — засмеялся Рогов, — избави Бог мир от таких учёных. Это я, по нашему с вами плану, искал следы нацистских преступников, а он — искал их золото. Два года назад, я приглашал его в нашу экспедицию, как спеца-подводника.

— Вот как!? — удивился Абель, — значит я его видел, когда приезжал к вам на пару дней в бухту?

— Да, такой крепкий, с брюшком, — поддакнул Рогов, — Вообще, он бывший боевой пловец, отличный профессионал и принимал участие в таких спецоперациях, что американские «морские котики» против него просто мальчишки, охотящиеся за мидиями. Сергей — два в одном: человек энциклопедических знаний и отличный боец, но, как на пенсию вышел, будто помешался на золоте. Мы с ним разругались...

— А потом?

— А что потом?... Потом он, как воду канул... И теперь, вот, помощи просит.

Абель слушал внимательно и его живые карие глаза под очками, будто окаменели. Он сложил две ладони домиком и поднес ко рту. Лицо его, казалось, стало серым. Вдруг он встал и взволнованно заходил по своему кабинету.

³ Черт! Черт возьми! — исп.

— В общем, так, сеньор Рогов, — Абель вдруг заговорил серьезно и предельно чётко, — я имею все основания утверждать, что Сергея Корня держат в плену нацисты...

Касти знал, о чем говорил. Он родился и вырос в городке Сан-Карлос-де-Барилоче. Еще мальчишкой, бегая с друзьями по окрестностям, Абель часто натыкался на роскошный дом, в котором почти пятьдесят лет благоденствовал бывший гауптштурмфюрер СС Эрих Прибке, расстреливавший мирных жителей в Италии.

Абель никогда не обращал внимания на высокого подтянутого старика из красивого дома. Но однажды попался в чужом саду, и щедрый хозяин — добрый дедушка Эрих угостил мальчишку прекрасными яблоками, которые росли у него на одном из деревьев.

— Яблоки с медом — полезно и вкусно, — говорил старый немец, поглаживая морщинистой рукой по чернявой голове маленького аргентинца. — Кушай, юнге.

Знал бы маленький потомок расстрелянного испанского антифашиста Рубена Касти, сколько раз эта добрая костлявая рука нажимала на спусковой крючок парабеллума, расстреливая женщин и детей на Пиренейском полуострове.

Но время шло, и, через каких-то десять лет, учась в институте на факультете журналистики, Абель Касти, как молодой специалист, начал проводить свои первые журналистские расследования.

Оттачивая навыки корреспондента, он случайно узнал, кто проживал на прекрасной вилле. Это был — нацистский преступник Эрих Прибке. Он жил с аргентинским паспортом, под своей фамилией, и не бедствовал. Никого не боясь, он летал в Европу, ходил в немецкие клубы, обедал в немецких ресторанах, пил вкусное немецкое пиво, читал немецкие газеты, смотрел немецкие фильмы... Это было для Абеля, как гром среди ясного неба, а во рту стоял... тот вкус яблок с мёдом, которыми его угощал «добрый дедушка Эрих».

Подняв архивные документы, молодой Абель Касти воочию узнал о злодеяниях Прибке в годы Второй Мировой войны и забил тревогу. Но власти быстро охладили пыл молодого парня, дав понять, что вопрос сугубо политический. В 80-е годы XX века мир еще был разделен на два лагеря. Но был еще и третий лагерь... поселение нацистов Третьего Рейха в Южной Америке.

Конечно, позднее мир изменился. В 1996 году Аргентина выдала Эриха Прибке Италии. Справедливый суд приговорил старого нациста... к домашнему аресту. Даже сейчас, спустя много лет, в Интернете можно встретить фотографии, где экс-гауптштурмфюрер нежится на солнышке, пребывая на своей даче, отбывая наказание за сотни загубленных жизней.

— Зачем вы мне это всё рассказываете, сеньор Касти? — удивлялся Андрей, — уже не хотите вы мне сказать, что это Эрих Прибке украл Сергея...

— Андрей, я не для того вам это рассказал, чтобы вы язвили..., — обиделся Абель.

— Не сердчайте, дружище, — Андрей всем своим видом показывал примирение, — я прекрасно вас понимаю. В той войне воевали оба моих деда. Один из них погиб, не дожив до победы месяца, второй вернулся инвалидом. Я знаю это и помню, может быть, как никто другой в моей стране. Помню... Просто из нацистских преступников, я знал только одного сверх долгожителя...

— Прибке умер два года назад в Италии, в возрасте ста лет. И украсть вашего аквалангиста он никак не мог, даже в девяносто. Возраст берет свое.

Андрей молчал, пристально глядя на аргентинца, но Касти не обращая внимания, продолжал.

— Но... поверьте мне, это есть, кому сделать. Я вот только понять не могу, кому этот ныряльщик нужен?

— Этот, как вы изволили выразиться, ныряльщик, — спокойно возразил Андрей, — боевой пловец. Вы знаете, что такое офицер, задача которого уничтожить объект противника любой ценой? Он морское дно знает лучше, чем вы у себя дома путь от кровати к холодильнику.

Касти с интересом смотрел на Андрея, который рассказывал о своем соотечественнике с лёгкой гордостью.

— Учебники по математике, физике и географии не расскажут вам того, что знает он.

— Так почему же он не подписал ни одного топонима, ваш без пяти минут учёный? — с лёгкой издёвкой спросил Абель...

— Потому, что он письмо писал для меня — парировал Андрей.

Это подействовало на Касти, как холодный душ. Он посмотрел Андрею прямо в глаза и нерешительно промямлил.

— А вы-ы... знаете, где это находится...?

— Расскажите мне о нацистах, дружисе..., — уклоняясь от ответа, вдруг с улыбкой попросил Андрей.

Касти, человек, весьма гордившийся собой и своим статусом, не привык, чтобы с ним так разговаривали и сначала даже немного обиделся на Рогова. Но уже через десять минут, он увлеченно рассказывал о том, что соответствовало его профилю.

— Вы знаете, например, кому США обязаны созданием атомной бомбы? — спросил Абель Андрея, сидя в своем кресле и высоко, по-американски закинув ноги на стол.

— Я слышал версию, что немецкие ученые подсказали американцам секрет обогащения урана...

— ... не просто подсказали! — перебил главред, — в Чили, в Аргентине, в США от немцев шла масштабная передача технологических знаний, наработанных Германией за годы под руководством Гитлера.

Андрей слушал Абеля Касти, а сам вспоминал разговор с убитым кавказцем Русланом и его слова.

— ... Можно превратить бензин в воду, лекарство в яд или, например... останоАндрюх маршевый двигатель межконтинентальной баллистической ракеты.

«Неужели несчастный Руслан, действительно, работал на нацистов? Но причем тут Аль-Каида? В любом случае надо разбираться...» — думал он.

Тем временем Абель Касти продолжал свое повествование.

— Большинство наших граждан вообще считают великим благом то, что в Аргентину прибыли несколько десятков тысяч нацистов — инженеров, военных специалистов, строителей, учёных, которых принял президент Хуан Перон. Они многое сделали для развития Аргентины.

— Да-да, я где-то находил информацию о том, что президент Перон и его жена Эва Дуарте были нацистскими агентами в Аргентине. Я подумал, что утка, или, как сейчас говорят — фейк..., — Андрей взял еще одну сигару, — Не хочется верить, что героиня Мадонны в знаменитом мюзикле Эндрю Вебера... Та самая — Don't cry for me, Argentina... — ключевой агент нацистов!

— Всё просто. У меня есть документы, подтверждающие это. Ключевого агента Еву Дуарте, по приказу начальника германской контрразведки Канариса, просто подложили под Перона. Свели, как у вас говорят, бобика и жучку, в 44-м. Она его и «завербовала»... через постель, играя на национальных чувствах «За великую Аргентину.»

«Хм...» — подумал Андрей, — «Времена другие, а методы одинаковые.»

— По нашим сведениям, в Латинскую Америку из американских лагерей для военнопленных супругами Перон было перевезено не менее ста тысяч нацистов, — Касти сидел, облокотившись на спинку кресла и вытянув ноги далеко вперед. — А сколько предстало перед судом? От силы пятьдесят... Не тысяч, разумеется. И то. Никого не расстреляли, а в лучшем случае, пожурили домашним арестом или условным сроком...

— Так они и жили, — тяжело вздохнул Андрей, — под подлинными именами. В сытости, довольстве...

— ...Вот-вот, — подтвердил Абель. — ... и со временем упокоились на чистеньком и аккуратном немецком кладбище.

— В голове не укладывается такой абсурд! Мир считает нацизм злом, а они, как сыр в масле катались! Нюрнбергский процесс для кого был?

От волнения, Андрей так быстро выкурил свою сигару, что Абель предусмотрительно спрятал хьюмидор подальше.

— ... Для кого? Для остального мира, сеньор Рогов. Мы же с вами прекрасно понимаем, что нацистское достояние, эвакуированное из Германии, оценивается в сто миллиардов, в пересчёте на современные доллары США.

— А Америка своего не упустит, — как бы подтверждая, добавил Рогов.

— Вместе с тем, подлинная стоимость «мозгов» и ноу-хау, многократно превышает эту сумму. Напомню, что Гитлер был в шаге от создания атомной бомбы. И план был реализован! Только бомбу сбросили не германцы на СССР, а американцы на Японию.

— У нас говорят: «Кому война, а кому — мать родна!»

— Вот именно. Европа во Второй Мировой войне едва не погибла, а Америка очень неплохо заработала. Нацисты вторую часть жизни прожили в Америке и вырастили себе смену... И создали организацию ветеранов «ODESSA»...

— Герои хреновы, — по-русски пробурчал Андрей в ответ.

Абель посмотрел на, не менее изящные, чем его коллекция оружия, настенные часы, висящие прямо над выходом из кабинета. Шел второй час беседы с Андреем, поэтому Абель, посмотрел на экран своего макбука и вдруг перескочил с одной темы на другую.

— Обратите внимание, Андрей, домен у электронного адреса Сергея Корень — cl. Это не Аргентина, это Чили...

— Дигнидад?

— Ну, Дигнидад — не единственная немецкая колония в Южной Америке, даже наш Сан-Карлос-де-Барилоче основали немцы.

Андрей на минуту задумался: «Так вот к чему ты клонил, старый жулик... Рассказывал тут мне: не знаю, не ведаю... Карта местности у него без топонимов... Сам все прекрасно знаешь и умеешь...»

— Чего вы хотите, Абель? — вдруг прямо спросил Андрей.

Он посмотрел аргентинцу в глаза, но не тут то было. Абель был великолепным знатоком этих поединков, и победить его было не так просто. С минуту они сверлили взглядами друг друга, и никто не уступал. Это было похоже больше на дуэль, чем на беседу.

«Чего ты хочешь?»

«А ты не догадался?»

«Я догадался. А ты уверен, что я соглашусь?»

«Был бы не уверен, не позвал бы.»

«Ну, а всё-таки?»

«А всё-таки она вертится... Земля...»

«А по делу?»

«Дело у нас у всех одно... ОбстаАндрюх друг друга... Договоримся?»

«А я пока не отказывался...»

Борьба закончилась так же неожиданно, как и началась. Неизвестно откуда взявшаяся муха, села Абелю прямо на нос. И он стал от нее отмахиваться. «А все-таки ты проиграл» — подумал Андрей.

— И всё же, чего вы хотите, Абель? — спокойно повторил журналист.

— Того же, чего и вы, Андрей, — ответил аргентинец, прогнавший муху в окно.

— Я хочу в душ и перекусить. Вы тоже?

— ... А я хотел решить вопросы в банке. Мы ведь подпишем договор? Первый эксклюзив — для моего издания? Так сказать, «право первой ночи»...

— Вы думаете, я вам буду полезен? — продолжал плести свою сеть Андрей.

Абель смотрел в глаза Андрею и старался быть искренним.

— Я ценю вас, сеньор Рогов. А иначе не беседовал бы с вами уже два часа... И не предлагал бы вам сумму с четырьмя... нет, с пятью нулями...! Но, вы же сами понимаете... Для этого нужен убойный материал.

Андрей иронично улыбнулся в ответ.

— Скажите, Абель, вы не знали такого человека, как Отто Ран?

Касти посмотрел на Рогова, как на школьника, который не выучил урок.

— Друг мой, я хорошо изучал историю нацистской Германии и отлично знаю, что один из идеологов Гитлера, начальник отдела археологических раскопок «Аненэрбе» — Отто Вильгельм Ран умер задолго до нашего с вами рождения, перед началом Второй Мировой Войны. Как я его мог знать?...

— ... Отто Ран, для начала, не умер, — перебил Андрей голосом, не терпящим никаких возражений, — ... а пропал без вести...

— Это одна из версий. Я слышал..., — ответил Абель, подкуривая потухшую сигару.

— Вы слышали... А я видел. Отто проявился... уже в наше время.

— Что вы говорите? — воскликнул Касти с недоверием — Отто Ран должен был умереть от старости, по крайней мере, в самом начале этого века...

— ...Отто Ран прожил около ста десяти лет. Он разгадал секрет долголетия Гуру Римпоче, в непальском монастыре Гнездо Летающей Белой Тигрицы. И жил бы еще... если бы его не принесли в жертву индейцы майя год назад.

— Андрей вы же знаете, что я — реалист...

— ... Я тоже, Абель. Но когда на твою жизнь покушаются, по меньшей мере, трижды — в Непале, в Мексике и даже дома, что может быть реальнее? Я говорил с Отто, как сейчас с вами.

Абель смотрел в глаза Андрею. Нет, этот человек не похож на сумасшедшего. Но, может быть, он заблуждается? В любом случае, Касти хотел доказательств.

— Ну, хорошо! — воскликнул Андрей. Он вдруг встал, взволнованно сделал несколько шагов по кабинету, затем остановился, — никому не показывал, но вам...

Рогов открыл свою сумку и вынул из маленького целлофанового пакетика маленькую овальную пластинку из алюминия. На ней было пропечатано шестизначное число.

— Это офицерский жетон оберштурмфюрера «СС» Отто Рана, — спокойно сказал он, — хотите — верьте, хотите — нет. Я нашел его рядом с отрубленной головой его хозяина, в глубине Чьяпасских гор.

Касти дрожащей рукой взял металлический артефакт.

— Вы, позволите? — неуверенно спросил у Андрея пораженный аргентинец.

— Да, пожалуйста, пожалуйста.

Абель сел на компьютер, открыл свой архив и набрал число, которое было на жетоне. Через полминуты, дождавшись информации, аргентинец буквально подпрыгнул на стуле. Затем застыл и уперся взглядом в Рогова.

— Это сенсация... просто невероятно... Друг мой, вам очень повезло. Общаться с человеком, которого считали сподвижником самого Гитлера... Кстати, Гитлер здесь жил неподалеку, уже после войны...

— Я в курсе, — спокойно ответил Рогов, — по вашей версии, он умер в 1964-м году...

— А по вашей? — заискивающе спросил Абель.

Он держал в руке жетон, все еще до конца не веря в то, что видит и продолжал говорить.

— Судя по тому, что рассказали вы, я вообще уже не верю ни в какие версии... или, наоборот, готов верить всему, что вы скажете.

— Некоторые псевдоученые — фанатики нацизма, утверждают, что Адольф Гитлер не умер, а находится в состоянии соматхи... Его только нужно разбудить.

— Ну-у-у-у, я в это не верю, — испуганно засмеялся Абель, — просто сказка о Белоснежке какая-то...

— Я тоже не верю, но гномы этой Белоснежки существуют и их желательно найти... Более того, я думаю Сергей Корень, максимально близок к этому открытию..., а иначе не отправлял бы сигнал «SOS».

Андрей решительно посмотрел на Абеля.

— Чайтен, Пуйюуапи, Милимойю! — произнес он чётко. — Эти топонимы вас интересовали, сеньор Касти?

Касти застыл на месте, словно изваяние.

— Сверьтесь по карте, дружище. Это Патагония.

Аргентинец опять сел за свой макбук, и через несколько мгновений поднял глаза на Андрея в полном изумлении.

— Но откуда вы... знаете...?

— Работа у меня такая, сеньор Касти — всё знать...

Глава 4. Зимнее танго

...Прошло еще полтора часа, и Абель уже не глядел на время. Перед партнерами стояла початая бутылка ямайского рому, и красивая индианка принесла очередной кофейник с кофе. Ром настолько расслабил Касти, что он даже перестал прятать сигары, каждая из которых стоила не менее 100 долларов. А Андрей и не претендовал. Побаловался и будет.

На столе уже лежал подписанный договор о сотрудничестве. Это никак не влияло на отношения Рогова со своим родным телеканалом, наоборот такое сотрудничество было полезно и морально, и материально.

— Ой. Андрей, — весело болтал Абель, радуясь удачному контракту. — Зная вас, я готов работать с вами по любой тематике. Я никогда не забуду, как два года назад вы нашли эти немецкие «сигары», в одной из которых, с очередной партией нацистов, прибыла Эва Дуарте. Никто не верил в их существование, а вы нашли...

— Ну, кто ищет, то всегда находит, — скромно ответил Рогов.

— Кстати, вы в курсе, что этих лодок больше нет? — Абель, улыбаясь от того, что сможет чем-то удивить Андрюх Рогова, торжествующе смотрел на него.

— Только не говорите, что вы их перепрятали у себя на фазенде, — в свойственной ироничной манере ответил Андрей.

— Если бы! Их взорвали! Год назад. Никто ничего не знает и концов не нашли...

— Да-а-а-а!?...

Андрей, действительно, был удивлен. Он наивно полагал, что бухта Калета-де-лос-Лорос, с тремя подводными лодками, останется неприкосновенной до его следующего приезда, и он найдет отличного пловца Корня, и они опять нырнут... Стоп! Андрея осенило...

— Знаете, Абель, — возможно, я даже вычислю, кто взорвал эти U21. Мне только нужно найти Корня.

— Вот это голова! — с восторгом воскликнул Касти, — мне бы вас хотя бы на пару лет, я бы стал самым популярным издателем Южной Америки...

— Да бросьте, вы и так великий, — ляпнул Рогов тщеславному аргентинцу.

Он, конечно, не рассказал Абелю об истинных целях своей поездки. Прежде всего — понять, что же такого здесь нашел Артем Головнин и за что его убили.

— Итак, сначала Дигнидад, — заключил Андрей вслух.

— Да, я думаю, начать поиски вашего аквалангиста со смешной фамилией — Корень, следует оттуда...

«Можно подумать, у тебя фамилия грустная», — пробормотал Андрей, — «Здрасти, Касти, ну у вас и мордасти. Нигде не лазьте, потому, что вы Касти. Лучше у себя в редакции колбасьте...» — молча рифмовал Андрей. Ром сделал свое дело, Рогов начинал шалить.

— ... С вами я поехать не могу, сами понимаете, издательство без меня, как без руля и ветрил — сядет на мель, — извиняющимся тоном промямлил аргентинец.

«Нет, ну он точно мысли читает... Да я бы тебя и не взял, дорогой мой. Ты же своим криком мне всех фрицев распугаешь.»

— продолжал думать Рогов про себя, а вслух отдавал дань уважения.

— Эх, жаль, мне по-испански говорить очень трудно, да и местности я не знаю совсем. И знакомых в Чили никаких...

В следующую секунду Андрей пожалел о том, что сказал. Потому, что Абелю Касти пришла в голову очередная «гениальная» идея.

— А знаете что, Андрей? Моя племянница окончила Университет в Сантьяго де Чили. Она не откажется съездить в командировку в студенческие места.

— Вот, только этого мне не хватало, — пробормотал Андрей на родном и добавил на испанском, — Чудесно, Абель. Я очень рад.

— И ещё один сюрприз, она училась на Гуманитарном факультете, специализировалась на русской литературе — Толстой, Достоевский, так что ей ещё и полезно будет попрактиковаться с носителем языка.

— Да. Язык, порой, чертовски нужная и приятная штука — сострил Андрей, но Абель не понял его шутки.

— Только, прошу вас, не подвергайте её опасности, — продолжал радостно провозглашать аргентинец. — Это глупые слова, я знаю. Вы никогда так не поступите, но я должен был их произнести.

— Несомненно.

— Согласны? Позвать её?

— Абель, дорогой мой. Я в душе не был двое суток, небрит, помят. Давайте попозже, а?

— Во-первых, я должен вас предстаАндрюх друг другу, как её дядя и ваш друг. Иначе это будет моветон и неприлично для молодой сеньориты.

Абель нажал на кнопку селектора:

— Анабель, принеси нам кофе, пожалуйста! /.../ Нет, именно ты принеси!

— А во-вторых, — продолжил он, обращаясь к Рогову, — вы в её обществе уже провели полчаса, и она вас принемерно всего рассмотрела — от небритых щёк до мятых брюк.

Зашла сеньорита Феррер с серебряным подносом, на котором красовались две фарфоровые чашки с высокой благоухающей пенкой. Теперь можно было увидеть ещё и юбку-карандаш, плотно облегающую её стройные ноги до колен, чулки телесного цвета и тёмно-бордовые туфли-лодочки. Племянница сеньора Касти была довольно высокой — не менее метра семидесяти пяти.

— Вот, Андрей, с удовольствием представляю вам мою племянницу — Анабель. Это дочка моей младшей сестры..., — Абель тут же обратился и к девушке, — Девочка моя, это сеньор Андрей Рогов из России. Мы с ним два года назад затеяли двухнедельную российско-аргентинскую экспедицию, материалы которой эксклюзивно публикует наше издательство.

Андрей встал ещё при появлении Анабель в кабинете, а теперь ещё и учтиво поклонился. Анабель в очередной раз смутилась. Видимо, вспоминая свое поведение пару часов назад.

— Анабель, — продолжал Касти. — сеньору Рогову требуется помощь проводника в Чили, и я прошу тебя оказать ему эту услугу.

Анабель молчала, не зная, что ответить.

— К тому же, тебе это будет полезно. Будете общаться с Андреем Петровичем по-русски. Он — носитель.

— Я — носитель, — подтвердил Андрей и тут же добавил, — вы позволите, сеньор Касти, я задам сеньорите Анабель Феррер пару вопросов?

— Ваше право, мой друг.

Андрей перешел на русский язык. А Абель стоял рядом и поддакивал журналисту после каждого вопроса, даже не понимая, о чем тот говорит.

— Анабель, вы никогда человечины не пробовали?

— Н-е-е-ет, — глаза аргентинки округлились от удивления.

— А родственников в диких племенах у вас нет?

— Мои предки из Испании, сеньор, мистер... Рогов, — обиженно надулась Анабель.

— Так-к-к. И последний вопрос. Вы по ночам не храпите?

Темпераментная Анабель сверкнула глазами.

— Дядя Абель! Я с ним не поеду!!! — перешла на испанский девушка.

— Что значит — не поеду? — разозлился Абель. — Ты не хочешь помочь своему дяде? И что значит — с ним? Я тебя не замуж отдаю!

— Он задает такие вопросы...

— ... Сеньор Рогов имеет право задавать тебе любые вопросы, детка! Он — твой начальник. Разговор окончен!

Подвыпивший Касти говорил тоном, не терпящим возражений. А Андрей отыгрался сполна...

— Вот и отлично! — Андрей дал понять, что ему нужно спешить, — сегодня вечером встретимся и все обсудим... Втроем, правда?

Он подхватил свою сумку.

— Мне еще поселиться надо, — добавил Рогов.

— Не извольте беспокоиться. Мы уже позаботились, сеньор Рогов. Анабель, ты же забронировала номер для нашего гостя?

— А разве это для него? — растерянно спросила девушка.

— Я тебе еще раз говорю, что говорить о человеке в третьем лице в его присутствии — некультурно! — опять взвился Касти.

— Хорошо! — сердито ответила аргентинка. Отель Вилья-Льяо-Льяо, вас устроит, сеньор Рогов? Это прямо на берегу озера Нахуэль Уапи.

— Нахуэль кого?! — нарочито испуганно переспросил Андрей.

— Нахуэль Уапи, на языке индейцев арауканов его название означает «Остров ягуара», — спокойно ответила Анабель, даже не покраснев.

— Да, вы еще не очень хорошо знаете русский язык, — улыбнулся Андрей. — Достоевский — это еще не всё...

— Ну, я думаю, вы меня научите? — неожиданно «раскрылась» аргентинка.

Андрей взглянул на Касти.

— Абель, дружище. А вам не жалко вашу племянницу? Я же не груши собирать еду. — неожиданно спросил Рогов.

При этих словах Абель и Анабель переглянулись, как будто перед ним стоял не журналист, а мальчик из детского садика.

— Андрей, — добродушно засмеялся Касти, — Это не девушка — это демон в юбке! Но вы, пока этого еще не знаете...

Из кабинета Абеля Касти, Андрей и Анабель вышли вместе.

— Ну, вот видите, сеньорита Феррер. Оказывается, всё можно решить! — продолжал подтрунивать над девушкой Рогов. — Вы так хотели поехать со мной и дядя вас отпустил.

Аргентинка резко остановилась и сердито посмотрела прямо в глаза Андрею.

— Одно я поняла твердо!

— Что? — сыграл удивление Рогов.

— Что он — это еще хуже, чем гринго!

— Ой, вы даже предстаАндрюх себе не можете, как вы угадали! — засмеялся Андрей. — Есть даже пословица такая «Когда он родился-еврей заплакал!»

Анабель никак не ожидала такой реакции.

— Причем здесь евреи? И что я угадала?

— Как теперь я вас хочу взять с собой!

Она несколько секунд смотрела на «удивительно наглого европейца». Затем просто про-изнесла.

— Yo — argentino...⁴

В Аргентине такая фраза равносильна: «Да, плевать я хотела.» Хотя, конечно, Рогов знал, что молодой аргентинке далеко не всё равно, а он, что называется, перегнул палку, состязаясь с племянницей Абеля Касти в умении подковырнуть...

⁴ Я-аргентинка. Исп.

Девушка уже села на свое рабочее место, делая вид, что не замечает Андрея.

— Анабель..., — Андрей вдруг поменял тон и перешел на русский, декламируя, — ... По жизни так спешит горячность молодая. И жить торопится, и чувствовать спешит...

— Что...? Что это? — аргентинка удивленно посмотрела на журналиста.

— Это — поэт Вяземский. Друг Пушкина. Этому в институте не учили. Правда?... Считайте, что это наш первый урок... До вечера...

Вилья-Льяо-Льяо оказался отелем, состоящим из одно-двух этажных бунгало покрытых декоративной деревянной дранкой, находящимся на самом кончике мыса, вдающегося в озеро Нахуэль Уапи. К отелю вела только одна автомобильная дорога, что, казалось, добавляло приватности и чувства защищённости. Андрей зарегистрировался и поднялся наверх, в светлый номер с пёстрым ковровым покрытием на полу и мебелью из тисовых досок; на небольших окнах висели занавеси в тон покрывалу на кроватях. На прикроватной тумбе стояла ваза в виде колбы тонкого стекла. В вазе благоухали свежесрезанные розы. Такой уют ощущается, как только при входе в квартиру. Все устройства подключаются к домашнему wi-fi. Андрей это видел в рекламе. Сам же никогда не доверял свои устройства вай-фаям и разным электронным «облакам». Рогов с наслаждением принял душ и провалился в безмятежный сон...

...Памятуя бордовую блузку Анабель, Андрей надел бордовую рубашку, пурпурно-чёрный галстук, чёрные брюки с ремнём из кожи аллигатора и мягкие дезерты из чёрной замши. Постояв у зеркала, он, наконец, удовлетворенный своим внешним видом, вышел из номера. Конечно, многие боевые друзья из прошлого не поняли бы его, но... издержки профессии. Журналист — человек, который всегда на виду, должен не пугать собеседника, а располагать к себе. Это правило за много лет вошло у Рогова в привычку.

Андрей спустился вниз. Рядом с холлом, располагался ресторан сбаром, в котором коротали вечер множество мужчин в гангстерских костюмах, от которых пахло дорогим парфюмом, и женщин в платьях и юбках с ярко накрашенными ногтями и губами. В Барилоче имеет место быть самая яркая и насыщенная ночная жизнь в Аргентине.

По ресторану курсировал какой-то сеньор в смокинге, подпоясанный кумачовым кушаком, с сигарой во рту и бровями как у генсека Леонида Ильича Брежнева. Андрей явственно представил себе, как сеньор подходит к нему и говорит: «Ты мою «Малую Землю» читал?»...

Отдохнувший Андрей был в прекрасном настроении и фонтанировал образами. «Просто огонь! Огненные аргентинцы, Огненная Земля и «Огненный поцелуй». Да, он узнал это зажигательное танго.

Из мало освещенного угла доносились звуки живой музыки. Это был оркестр из пяти музыкантов в белых пиджаках и лиловых рубашках.

Бармен-качок в рубашке с коротким рукавом, специально, чтоб продемонстрировать свои индейские татуировки, разговаривал с Анабель Феррер. Девушка переоделась в чёрную шёлковую блузку с волаком на груди и открытой спиной, коралловую юбку по щиколотку, покрытую на бёдрах багровым парео; на ногах чёрные туфли с ремешком и на каблуке-рюмочке. Казалось, что одежда изменила и поведение Анабель. Где та строптивая секретарша-заноза из издательства «Aldebaran»?

— Добрый вечер, Андрей, извините, дядя не приехал, у него неважно со здоровьем вдруг стало, — улыбаясь, обратилась сеньорита Феррер к подошедшему Рогову.

— Не смог останоАндрюхся с ромом, да? — Рогов понимающе легко улыбнулся в ответ.

Андрей не обладал рельефной фигурой культуриста и, кроме татуировки спецназа на левом предплечье, больше не имел никаких «изысков». Но его фигура сводила с ума поклонниц, даже когда он вел репортажи с Крайнего Севера, будучи в тулупе. А по физической выносливости, Рогов мог дать фору любому лидеру бодибилдинга.

— А вы, действительно, неплохо выглядите... — проговорила Анабель,... Ой... Ну в смысле... Я хотела сказать, неплохо знаете моего дядю.

Девушка смутилась потому, что поправилась достаточно невольно, а Андрей сделал вид, что не заметил этого.

— Соглашусь и с первым, и со вторым. Ну, что. Может быть, попробуем?

— Я заказала нам на ужин асадо, — радуясь переводу разговора на другую тему, с облегчением выдохнула Анабель.

Андрею нравилось асадо⁵. Жаркое аргентинских ковбоев гаучо, приготовленное на углях, прямо с куском шкуры — еда для настоящих мужчин. Именно поэтому, даже с приходом цивилизации с ее сотнями разнообразных мясных блюд, любимой едой аргентинцев остается асадо.

— Стол нам уже накрывают, но надо немного подождать, — продолжала Анабель, — Надеюсь, вы не вегетарианец?

— Был бы я таковым, вы бы узнали ещё утром, они об этом вместо «здрости» говорят. Андрей и Анабель впервые засмеялись вместе.

— Вот и славно, раз вы любите жареное мясо, значит, вы уже наполовину аргентинец.

— А что надо любить, чтобы быть аргентинцем и на вторую половину?

Анабель посмотрела на пару, танцующую под звуки оркестра и ответила:

— Надо уметь танцевать аргентинское танго, — с хитрым блеском своих цыганских глаз ответила девушка.

«Эге-е-е! Так вот отчего ты такая покладистая...» — подумал Андрей, — «Хочешь меня на посмешище выставить. Дескать, неуклюжий гринго... Л-ладно, удивим Аргентину».

— Так как насчет танго, мистер Сеньор? — продолжала подначивать Анабель, с усмешкой поглядывая на качка-бармена и специально говоря громко, чтобы тот слышал.

— Можно! — неожиданно ответил Андрей заходя в ответ, при этом Анабель посмотрела на него с недоверием.

— Только не аргентинское, а финское. Попросите оркестр исполнить финское танго, и я с удовольствием вас приглашу на танец!

Дождавшись финальных аккордов звучавшей El Choclo, Анабель размашистым почти спортивным шагом прошла через танцевальную площадку к оркестру. Многочисленные посетители почтительно уступали ей дорогу. Когда она вернулась, музыканты грянули вступление Suomen tango. Лучась коварной улыбкой сердцеедки, она протянула Рогову правую руку в приглашающем жесте.

Андрей левой рукой поднял правую руку Анабель, а правую ладонь положил на её спину. Он держал свою партнершу крепко, но на некотором расстоянии, как будто они обнимали кого-то третьего, невидимого. Андрей держался прямо, смотрел Анабель в глаза и слушал восьмитактовый ритм. Несколько секунд они стояли, чуть покачиваясь, в объятиях друг друга, впитывая музыку. Потом началось чудо.

Аkkордеон рыдал. Кто поверил бы, что в аргентинском ресторане есть место финскому танго? Но чудо свершилось: танцующие перенеслись в мир умопомрачительно роскошного танца, где властвуют любовь и страсть, где дыхание партнеров слилось воедино, а их ноги скрепчивались и переплетались, при этом нельзя было обменяться ни словом. Только рука Андрея говорила Анабель, куда повернуться, только его нога подсказывала её ноге, что делать дальше, — вместе, бедро к бедру. Раз, два, три, четыре, пять — они свободно кружились по всей танцевальной площадке, двигаясь против часовой стрелки.

Все посетители ресторана, уплетавшие большие порции жареного мяса, а также слоёные пирожные с карамельным кремом, вдруг замерли словно замороженные, не в силах отвести взгляд от танцующих. Вот гринго подвёл правое колено под бедро аргентинки, правой рукой слегка отклонил её торс влево, вынуждая девушку сделать шаг назад и развернуться. Ещё четыре шага — и она, снова развернувшись, пристально смотрит ему в лицо. Андрей

⁵ Асадо — мясо, исп.

незаметно служил для Анабели центром притяжения. Он еле заметно отталкивал её, и она тут же поворачивалась вокруг своей оси: я здесь. Он отступал, она следовала за ним по пятам: не оставляй меня. Он наклонялся к ней, и она — стройная, с льющимися чёрными волосами — выгибалась назад, как ивовая ветка: я твоя.

Танго закончилось. Три минуты танца они смотрели друг другу в глаза, подобно гипнотизерам. И казалось, этой сказке длиться и длиться без конца, но музыка закончилась, а одна из труб и ударник всё продолжали тянуть последнюю ноту.

— Это было самое необычное, но самое настоящее знакомство, — улыбнулась Анабель своему спутнику.

— О, да-а-а-а, — понижая тон, протянул Андрей, — в офисе, похожем на оружейный музей, где мы, чуть было, не обматерили друг друга.

— Да нет, Андрей... сеньор Рогов, тут же поправилась Анабель, — я про танец. Скажите честно, вы никакой не журналист? Вы — танцор?

— Любой мужчина рядом с красивой женщиной — танцор, — обезоружил аргентинку Рогов.

Тем временем, дождавшись последнего звука трубы, фойе накрыли громкие овации в адрес Андрея и Анабель. А в микрофоне прозвучал голос фронтмена оркестра: «Этот гринго весьма недурно танцует танго!»

— Он не гринго, — перекикивая ресторанный гул, воскликнула сеньорита Феррер, — Он — он!

Её возражение было встречено новыми одобрительными аплодисментами посетителей и персонала ресторана.

Андрей повёл Анабель к их столику, где на деревянных тарелках уже ждало асадо с мясным рулетом метамбре и красное вино, а также нарезанный сыр и колбасы, в качестве гарнира — салат.

Дело было сделано. Авторитет аргентинской красавицы завоеван...

Глава 5. Маленькие профессорские тайны

Ройзенблит сидел в зимнем саду, уставившись на высоченную бокарнею. «Лошадиный хвост» «бутылочного дерева» свешивался почти до самого пола, выложенного тротуарной плиткой и тонкими длинными листьями закрывал панораму искусственных джунглей. В густоте тропических деревьев пели экзотические птицы, а на стеклянном столике в оправе из красного дерева, в плетеной вазе ручной работы, помещался великолепный фруктовый букет: киви, манго, авокадо, мандарины, сочные груши — всё лежало вокруг огромной папайи. Однако еврейскому учёному было не до фруктов. Он, погрузился в какие-то расчеты, будто находясь в состоянии анабиоза. Его очки в оправе из позолоченной проволоки казались единым целым с полукруглыми немигающими глазами.

Весь этот «тропический рай» вокруг был безразличен человеку, который, может быть, способен изобрести вечный двигатель или машину времени, учёному без мирового имени, но с изобретениями, от которых мир еще ужаснется. Нет, он не злодей, но есть принципиальные цели в науке. Физика — ради физики, а химия — ради химии. Его не волнуют деньги. Он — технократ. Облучатель, который придумал Александр Ройзенблит, способен изменить химические свойства вещества до неузнаваемости и вернуть их в исходное состояние, когда понадобится. Этот проект мог бы претендовать на Нобелевскую Премию, но... Ему на нужны деньги. Каждый год на его счет переводили сумму, которой могли бы позавидовать Нобель с Эдиссоном вместе взятые. К тому же, Ройзенблит никогда не уважал Альфреда Нобеля, считая его бездарностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.